

Враг будет разбит,
победа будет за нами!

общероссийская политическая газета
издается с 25 сентября 2012 г.

Суть времени

www.eot.su

Подписаться на газету можно в ближайшей местной ячейке Движения «Суть времени»
Задать вопросы и узнать контакт ближайшей местной ячейки Движения можно
по телефону 8-800-100-97-24 (звонок по России бесплатный), podpiska@eot.su

27 ноября 2013 г.

№ 56

2 СУДЬБА ГУМАНИЗМА
В XXI СТОЛЕТИИ

5 ТУЧНЫЕ 2000-е
ГОДЫ: ИЛЛЮЗОРНОЕ
РОССИЙСКОЕ
БЛАГОПОЛУЧИЕ

6 ПАЗЛ — 2

Итак, по советскую сторону «моста» — формирующаяся русско-националистическая группа. А по зарубежную сторону — очень разные субъекты, беспредельно враждебные к «красному» и советскому

7 НАУКА И ОБОРОНО-
СПОСОБНОСТЬ
В РОССИИ.
ПРЕДВОЕННЫЙ
ПРОМЫШЛЕННЫЙ
РЫВОК

8 ЧЕЛОВЕЧИНА ПОД
СОУСОМ АПОЛИ-
ТИЧНОСТИ — 5, ИЛИ
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ
«ХИМЕРЫ СОВЕСТИ»

10 «ДОЛОЙ УК!», ИЛИ
ЕСЛИ ПЬЯНКУ
НЕЛЬЗЯ ПРЕДТВРА-
ТИТЬ, ЕЕ СЛЕДУЕТ
ВОЗГЛАВИТЬ

11 ВРАЧ: ПРОФЕССИЯ
И ЭТИКА. ЧАСТЬ II
(ПРОДОЛЖЕНИЕ)

12 СЛОМ
ИДЕНТИЧНОСТИ

13 ЕГИПЕТ НАКАНУНЕ
ГРАЖДАНСКОЙ
ВОЙНЫ?

14 МУССОЛИНИ
И ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ОФОРМЛЕНИЕ
ФАШИЗМА

15 СЛАВЯНСКИЕ
И НАЦИОНАЛИСТИ-
ЧЕСКИЕ «РАДЕНИЯ»
О РОССИЙСКОМ
ГОСУДАРСТВЕ

16 ПРОТИВОРЕЧИЯ
В ПРОЛЕТКУЛЬТЕ

Не было бы этого этажа — никаких разговоров об СССР 2.0
тоже не было бы. И не говорили бы мы «До встречи в СССР!»

Четвертый этаж

Я очень сложно отношусь к Зигмунду Фрейду и его учению. Да, именно сложно. С одной стороны, я понимаю, в чем основной посыл этого учения. Он в том, что человек мог стать человеком, только перерезав пуповину между собой и животным миром. Что и было сделано. Ножом, перерезавшим эту пуповину, стали разного рода запреты, они же табу. Эти табу создали скелетную конструкцию человечности.

Речь идет о социокультурной конструкции. Система социальных регуляторов и смыслов, транслируемых через культуру, — вот что формирует... ну вот, чуть было не сказал «человечность».

Конечно же, и социальные регуляторы, и смыслы, транслируемые через культуру, формируют не всю человечность, а лишь один ее этаж. Тот этаж, без которого человечности нет. Впрочем, нет человечности без любого из ее этажей.

Однако об этом этаже давайте поговорим чуть позже. Признав перед этим, что Фрейд, безусловно, прав в главном. В том, что перерезать пуповину между собой и своим звериным началом человеку было очень трудно. Что это был далеко не безболезненный процесс. И что процесс этот никоим образом нельзя свести к элементарной констатации: «Была пуповина, чикнули по ней ножиком, пуповины не стало».

Всё намного сложнее. Звериному в человеке было сказано: «Сгинь!». Но оно не сгнуло, а отпрыгнуло. Иначе и быть не могло. Куда оно, прошу прощения, может сгнуться, если оно черт-те какое древнее? Если в его основе — программы поведения под названием «инстинкты»? И если эти программы... Даже если они и не наследуются целиком и полностью, то передаются из поколения в поколение с высокой степенью автоматичности.

Видите, как я осторожно выражаюсь? Мол, и не наследуются они в полной мере, эти инстинкты. И передаются они из поколения в поколение не автоматически, а всего лишь с высокой степенью автоматичности...

Это я так осторожно выражаюсь. А другие вам скажут, что инстинкты наследуются, то есть передаются из поколения в поколение абсолютно автоматически.

Но ведь передаются! Абсолютно автоматически или с высокой степенью автоматичности... Главное, что передаются. И от того, что ножиком чикнули по пуповине между собой и своим звериным началом, эта передача не была сведена на нет. Человек — система намного более сложная, чем какое-нибудь техническое устройство, в котором легко перерезать любой информационный канал. Хотя и в таком устройстве, если оно не является абсолютно элементарным, — о-го-го какие процессы пойдут! Но человек, повторяю, неизмеримо сложнее самого сложного из технических устройств. И когда по той пуповине чикнули ножиком табу, начались мощнейшие процессы. Те самые, которые на свой манер описывает Фрейд.

Мы можем не соглашаться с тем, как он их описывает. Но сила первопроходца не в том, как именно он описывает процессы.

А в том, что он эти процессы обнаруживает. Фрейд обнаружил, что человек, когда у него перерезали пуповину, взял да и спрятал внутри себя свое звериное начало, отчужденное от него этим самым перерезанием пуповины.

Прошу прощения у строгих ревнителей фрейдизма за то, что излагаю учение Фрейда и слишком коротко, и достаточно произвольно. Я мог бы его вообще не излагать, поскольку не оно находится в фокусе моего интереса. Но тогда получилось бы, что я присваиваю нечто себе. А я, что называется, с младых ногтей отношусь к таким присвоениям весьма негативно. А теперь, когда они стали нормой, особенно пытаюсь их избежать. И потому ссылаюсь на Фрейда как на первооткрывателя некоего фундаментального обстоятельства. Которое состоит в том, что человек после перерезания этой самой пуповины спрятал свое звериное в определенный отсек психики, именуемый «Оно».

Если мне скажут, что Фрейд, вводя термин «Оно», имел в виду совсем другое, то я вздохну с облегчением. И скажу, что модель, которая описана выше, принадлежит не Фрейду, а мне. Но вряд ли я получу такой отзыв от сколь-нибудь авторитетных фрейдистов.

Итак, «Оно» — это хранилище звериного начала, сферы инстинктивного и так далее. У этого хранилища — мощная кованая дверь. На его окна решетки. У двери стоит тюремщик. Внутри — заключенные. Они же — деформированные (частично поломанные, частично ослабленные, частично извращенные и так далее) инстинкты. Иногда заключенные вырываются на свободу из данного подполья, с нижнего (первого) этажа человеческой личности. И проникают на второй этаж.

На втором этаже находится не «Оно», а «Я», состоящее из вышеописанной скелетной конструкции. Состоит скелет, как я уже говорил, из двух слагаемых.

Первое слагаемое — социальные регуляторы (программы, нормы и так далее). Эти регуляторы созданы деятельностью человека и тщательно воспроизводятся социумом, то есть сообществом людей, организующим эту деятельность.

Второе слагаемое — смыслы, транслируемые через культуру.

Скелет человеческого «Я» состоит из этих двух слагаемых подобно

тому, как обычный скелет состоит из костной ткани и того, что эта ткань охраняет (нервов, мозгового вещества и так далее).

Описав, что именно находится на втором этаже, именуемом «Я», перехожу к описанию третьего этажа, именуемого «Сверх-Я».

Ну, тут уж никак не обойтись без Фрейда. Впервые он заговорил о «Сверх-Я» в своей работе «Я и Оно», написанной в 1923 году. Сообщив этот несомненный факт, я далее опять ухожу в сферу собственных интерпретаций. По мне, так Фрейд провел полную, хотя и неявную аналогию между отделением «Я» от «Оно» и отделением «Сверх-Я» от «Я».

Мол, «Сверх-Я» — это инстанция, обитающая внутри «Я», но отделившаяся от «Я» и выполняющая роль наблюдателя за этим самым «Я». Только ли наблюдателя? Нет, конечно же, в функцию «Сверх-Я» еще входит совесть и многое другое.

Ровно в тот момент, когда начинается разговор о многом другом, необходимо, как мне представляется, распространиться с классическим фрейдизмом и признать, что «Сверх-Я» является сферой ценностей и смыслов, передаваемых человеку с помощью особых источников. Таковыми являются:

Первый — его родители.

Второй — другие представители его ближайшего детского окружения.

Третий — его учителя и воспитатели.

Четвертый — другие авторитетные для него люди, выступающие в сходной роли.

Пятый — культура (вспомним Высоцкого: «значит, верные книжки ты в детстве читал»).

Я категорически настаиваю на том, что кроме третьего этажа в здании под названием «человек» имеется еще и четвертый этаж. И что соотношение между четвертым и третьим этажами является решающим для понимания всего сразу: нашего общества в целом, постсоветских процессов, протекающих в этом обществе, движения «Суть времени» и так далее.

Не было бы этого этажа — никаких разговоров об СССР 2.0 тоже не было бы. И не говорили бы мы «До встречи в СССР!». Но мы это говорим. И СССР 2.0 обсуждаем. Только потому, что есть четвертый этаж.

Что же он собой представляет? Об этом в следующей статье.

Сергей Кургинян

Рисунок с сайта
ban-kopfkinoblogspot.ru

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Как Томас Манн угадал судьбоносность для человечества неких русских пророчеств, тесно связанных и с преодолением нового гуманизма, и с преодолением коммунизма?

Судьба гуманизма в XXI столетии

Есть такая русская поговорка: повторение — мать учения.

Каюсь, я всегда относился к ней с пренебрежением, считая, что речь идет о необходимости многократного повторения тех или иных вещей для их заучивания назизусть. Только в последние годы я понял, что речь идет о другом. Да, в каком-то смысле имеющем отношение к запоминанию через многократное повторение. Но — лишь в каком-то смысле. Поясню.

Есть такая наука — когнитивная психология. Она занята выявлением закономерностей мышления. Имеется в виду именно человеческое мышление. Хотя в последние десятилетия возник соблазн переноса добытых этой наукой результатов в научные сферы, занятые компьютерным мышлением, мышлением роботов и так далее.

Но поскольку всё попытки такого переноса, казавшиеся лет этак сорок назад очень лихими и перспективными, обернулись очень глубоким и теперь уже совсем очевидным фиаско, сосредоточившись на закономерностях человеческого мышления. А также чувствования. Ведь суть этого самого фиаско именно в том, что невозможно, исследуя собственно человеческое, построить непроницаемые «китайские стены» между мышлением и чувствованием, понятием и образом (а также символом), жестким языковым каркасом и заполняющей этот каркас коварной метафоричностью, этим неотменяемым свойством собственно человеческого языка.

Итак, о закономерностях собственно человеческого мышления и чувствования.

Человеческая память, как и память компьютера, имеет определенную емкость. Есть умники, утверждающие до сих пор, что емкость компьютерной памяти уже превысила емкость памяти человеческой, а уж в ближайшие десятилетия так неизбежно превысит ее в тысячи раз. Но теперича не то, что давеча. Теперича у этих умников лихой уверенности в своей правоте все-таки поубавилось. А давеча — этак году в 1965-м, когда компьютеры еще почти ничего не могли, о том, что емкость их памяти вот-вот превысит емкость человеческой, говорилось с невероятным апломбом.

А ведь и давеча, и теперича никто не понимает и не понимал, в каких, так сказать, ячейках человеческого мозга запоминается информация. В каких ячейках компьютера она запоминается, всем ясно на сто процентов. А вот про то, в каких ячейках человеческого мозга запоминается эта самая информация... Увы, проходят десятилетия, а ясного ответа на этот вопрос нет как нет. Конечно, сразу же кто-то скажет: «Да есть она, эта ясность! Вы ломитесь в открытую дверь!» И если этот кто-то окажется не спекулянтом, а серьезным ученым, то он предьявит вам свой ясный ответ. И вы впечатлитесь.

Но ровно до того момента, когда другой (столь же серьезный) ученый предьявит вам свой — столь же ясный, но диаметрально противоположный — ответ. А потом кто-нибудь — между прочим, тоже отнюдь не спекулянт — вам такое заявит по поводу ячеек, в которых человеческий мозг хранит информацию... такое... Ну, вы в ответ (если настроены и впрямь научно в строгом смысле этого слова) заахаете, заохаете и... и прекратите требовать ответов на проклятые вопросы о том, в какие именно ячейки человеческого мозга записывается информация, осуществляя процедуру под названием «запоминание». Но ведь куда-то он эту информацию записывает,

не правда ли? И потому давайте — хотя бы в этом цикле статей — не задаваться вопросом о том, куда именно он ее записывает. И называть то, куда он это записывает, хранилищами информации (ХИ).

Эти самые ХИ (сообщаю читателю минимум необходимых научных сведений) подразделяют на КХИ (краткосрочные хранилища информации), СХИ (среднесрочные хранилища информации) и ДХИ (долгосрочные хранилища информации).

Иногда используются другие названия, но это ничего не меняет в существе дела.

Итак, сначала информация достигает органов чувств (сенсоров). После этого она с помощью определенного механизма оценивается.

Если сигнал или сообщение несет информацию о чем-то суперопасном или суперважном, она может сразу перейти в ДХИ, минуя промежуточные структуры.

Это происходит в двух случаях. Первый — наличие в сообщении информации о прямой и непосредственной экстремальной опасности.

Второй — очевидная связь полученной информации с уже имеющейся в ХИ информацией о прямой и непосредственной экстремальной опасности.

Если же информация к этому разряду не относится, то ее отбрасывают. И ждут, что дальше. Если она опять и опять поступает на сенсоры, то ее перебрасывают в КХИ и снова ждут.

Если она попадет в КХИ только один раз, то ее вскоре выкинут из КХИ. На то оно и КХИ, то есть краткосрочное хранилище информации.

Если же вновь и вновь на сенсор будет продолжать поступать эта же информация, то с каждой очередной серией таких попаданий на сенсор, ее вновь и вновь будут отправлять в КХИ.

Если она много раз попадет в КХИ, то ее переправят в СХИ.

Если она много раз попадет в СХИ с помощью того же механизма повторения, то ее отправят в ДХИ, где она и будет запомнена по-настоящему — фактически навсегда. В ДХИ эту информацию начнут увязывать с другой информацией, передавать в системы осмысления и так далее.

Итак, и впрямь, повторение — мать... причем великая. Можно сказать, что мать учения, а можно сказать, что мать научения. Существа дела это очевидным образом не меняет.

Поскольку в любом случае повторять приходится приходится. Ради этого самого научения. И повторять приходится сообразно цели научения. То есть варьируя повторяемое. Вводя его в разные контексты и так далее. Но очень хочется — ну прямо трудно выразить, насколько — чтобы сообщаемая информация сразу переходила в ДХИ. И там начинала осмысливаться.

Мне, конечно, могут на это сказать: «Хотите себе на здоровье».

Так-то оно так. Только вот большая беда очевидным образом приближается. И по-настоящему к ней предуготовиться можно, только имея необходимое именно в своем ДХИ. И соединяя это ДХИ с операциональными системами, позволяющими осуществлять очень сложные процедуры осмысления.

Я надеюсь, читатель простит мне задействие компьютерных метафор по отношению к человеческому мышлению и чувствованию. Тем более, я оговорил, что это именно

метафоры, а не алгоритмы, которые можно напрямую использовать. И даже объяснил, почему. Просто сейчас я вынужден буду повторять то, что уже говорил. И мне бы хотелось быть верно понятым.

Личная библиотека Сталина сохранена. Никто не сжигал книги с пометками Сталина потому, что пометки эти принадлежат «чуждому тирану».

И все, кто хочет знать правду, легко убедятся в том, что именно написал Сталин своей собственной рукой, соотнося произведение Максима Горького «Девушка и Смерть» с произведением Гете «Фауст». Либеральные махинаторы утверждали, что Сталин написал: «Эта штука посильней, чем «Фауст» Гете». И бесконечно издевались по этому поводу. Мол, рядовое произведение какого-то Горького (даже не «Жизнь Клима Самгина», а именно рядовое произведение) Сталин сопоставляет с величайшим творением гениального Гете и утверждает, что какая-то там «Девушка и Смерть» посильней величайшего «Фауста».

Но на самом деле — и повторяю, в этом легко убедиться — Сталин написал нечто другое. Он написал: «Это штука посильней, чем «Фауст» Гете (любовь побеждает смерть)».

Поскольку мало кто помнит стихотворное произведение Горького, то я просто обязан привести хотя бы самые ключевые фрагменты.

Начинается это произведение с того, что царь, возвращающийся с войны и фрустрированный, как сказали бы психологи, своим позорным поражением, натывается на девушку, которая целуется со своим любимым. И начинает упрекать девушку в том, что она ведет себя непристойно на глазах своего царя, потерпевшего поражение. Что же отвечает девушка? Слово Горькому:

*Кочточку отправа на груди,
Девушка ответила царю:
«Отойди — я с милым говорю!
Батюшка, ты лучше отойди».*

*Любишь, так уж тут не до царей, —
Некогда беседовать с царями!
Иногда любовь горит скорей
Тонкой свечки в жарком божьем храме.*

Возмущенный царь велит своим вельможам и конюхам передать девицу в руки Смерти. Далее следует горьковское размышление по поводу Смерти, которой, как считает поэт, давно наскучило возиться с большими и старыми. И потому она... впрочем, здесь опять лучше не излагать содержание, а привести цитату.

*Злит ее людское наше стадо,
И, озлясь, сживает Смерть со света
Иногда не тех, кого бы надо.
Поллюбить бы Сатану ей, что ли,
Подышать бы вволю адским зноем,
Зарыдать бы от лобовной боли
Вместе с огнекудрым Сатаню!*

То есть автор предлагает Смерти заняться не людьми, а врагом человечества. Но это, так сказать, авторское лирическое (или, точнее, лирико-метафизическое) отступление. Предложив читателю поразмышлять по его поводу, продолжаю излагать основной сюжет. Состоящий в том, что девушка... впрочем, пусть читатель ознакомится по оригиналу

с тем, что именно говорит горьковская девушка Смерти.

*«Что ж?! От Смерти некуда деваться,
Видно, я умру, не долбя.
Смертушка! Душой прошу тебя —
Дай ты мне еще поцеловаться!»
Странны были Смерти речи эти, —
Смерть об этом никогда не просит!
Думает: «Чем буду жить на свете,
Если люди целоваться бросят?»
И на веинем солнце кости грея,
Смерть сказала, подманив змею:
«Ну, ступай, целуйся, да — скорее!
Ночь — твоя, а на заре — убью!»
И на камень села, — ожидает,
А змея ей жалом косу лжет.
Девушка от счастья рыдает,
Смерть ворчит: «Иди скорей, иди же!»*

Девушка уходит. Смерть засыпает. И ей снится нечто уже не лирико-метафизическое, а просто метафизическое.

*Нехороший сон приснился Смерти!
Будто бы ее родитель, Каин,
С правнуком своим — Искариотом,
Дряхленькие оба, лезут в гору, —
Точно две змеи ползут тихонько.
«Господи!» — угрюмо стонет Каин,
Глядя в небо тусклыми глазами.
«Господи!» — взывает злой Иуда,
От земли очей не поднимая.
Над горою, в облаке румяном
Возлежит господь, — читает книгу;
Звездами написана та книга,
Млечный путь — один ее листочек!
На верху горы стоит архангел,
Снопик молний в белой ручке держит.
Говорит он путникам сурово:
«Прочь идите! Вас господь не примет!»
«Михаиле! — жалуется Каин, —
Знаю я — велик мой грех пред миром!
Я родил убийцу светлой Жизни,
Я отец проклятой, подлой Смерти!»
«Михаиле! — говорит Иуда, —
Знаю, что я Каина зрешнее,
Потому что предал подлой Смерти
Светлое, как солнце, божье сердце!»
И взывают оба они, в голос:
«Михаиле! Пусть господь хоть слово
Скажет нам, хоть только покажет —
Ведь прощенья мы уже не молим!»
Тихо отвечает им архангел:
«Трижды говорил ему я это,
Дважды ничего он не сказал мне,
В третий раз, качнув главою, молвил:
«Знай, — доколе Смерть живое губит,
Каину с Иудой нет прощенья.
Пусть их тот простит, чья сила может
Побороть навеки силу Смерти».*

Проснувшаяся Смерть не обнаруживает вернувшейся девицы, которую должна погубить. И отправляется на ее розыски. При этом тоже предаваясь вполне метафизическим размышлениям. Привожу лишь фрагмент из этих размышлений. Он же — песня Смерти.

*И, на солнце глядя, вдруг запела
Тихо и гнусаво, как умела:
«Беспощадною рукой
Люди ближнего убьют
И хоронят. И поют:
«Со святыми упокой!»
Не пойму я ничего! —
Деспот бьет людей и гонит,
А издохнет — и его*

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

С той же песенкой хоронят!
Честный помер или вор —
С одинаковой тоской
Распевают грустный хор:
«Со святыми упокой!»
Дурака, скота или хама
Я убью моей рукой,
Но для всех поют упрямо:
«Со святыми упокой!»

Впрочем, рассуждения Смерти являются для автора лишь побочной темой в его поэтической симфонии. Основная тема — любовь. Подробно описывая встречу девушки со Смертью, автор, наконец, переходит к главному. К этой самой победе любви над Смертью. Смерть повествует девушке о своем веселии, а девушка...

Девушка — своё:
— Обнимет милый,
Ни земли, ни неба больше нет.
И душа полна нездешней силой,
И горит в душе нездешний свет.
Нет больше страха пред Судьбой...

Мне скажут, что уже в следующих строчках девушка изрекает нечто богоборческое (мол, есть любовь, но нет бога). Но, во-первых, Горький — это Горький. А во-вторых, вспомним о разговоре Каина и Иуды с Михаилом. И признаем, что не вполне ортодоксально религиозные речи девушки являются по сути своей очевидным дополнением к тому, что сказано Михаилом. И ведь нередко (в том числе у того же Гете) речи, не являющиеся богоутверждающими и даже являющиеся богоотрицающими по своей форме, по сути своей восхваляют и утверждают бога.

Короче, девушка и разозлила, и устыдила Смерть.

«Что ж, — сказала Смерть, —
пусть будет чудо!
Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!»

С той поры Любовь и Смерть,
как сестры,
Ходят неразлучно до его дня,
За Любовью Смерть с косяго острой
Тащится повсюду, точно сводня.
Ходит, околдована сестрою,
И везде — на свадьбе и на тѳизне —
Неустанно, неуклонно строит
Радости Любви и счастье Жизни.

И именно в этом смысле Любовь побеждает Смерть.

Кому-то могут больше или меньше нравиться фривольные описания того, как именно ведет себя девушка. Но тем, кому это не нравится, наверное, не нравятся и античные, гораздо более «раскрепощенные», описания того же самого. Но как только мы отвлечемся от этих описаний, к стати, явным образом не буквальных, а символических, обнаружится главное. То, что модель, предложенная Горьким, как бы опережает то, что описано у позднего Фрейда в его размышлениях по поводу Эроса и Танатоса. А ведь эти размышления, как я показал в своей книге «Исав и Иаков», вполне фундаментальны и метафизичны, потому что предлагают другую картину мира. То есть не просто другую, а совсем другую. И тут налицо некое созвучие между поздними откровениями трех великих людей: Фрейда, Эйнштейна и Маркса.

Впрочем, возвращение к этой теме увело бы нас в сторону. И потому я всего лишь спрошу: «Ну как тебе, читатель, эти либеральные махинации? Ведь если бы фразу Сталина не подвергали сознательной ампутации, и текст горьковский не выводился за скобки, стало бы ясно, что тот, кого либералы называют и тираном, и безграмотным тупицей, был человеком очень образованным, метафизически мыслящим, способным не просто анализировать параллельные поэтические тексты, но и выявлять запрятанное в этих текстах содержание».

Потому что одно дело — тот великий, но много чем начиненный гуманизм, от лица которого выступает Гете, сочиняя «Фауста». И другое дело — тот гуманизм, которого разыскивает Горький — и в своем произведении «Девушка и Смерть», и в своих богостроительных текстах. И, и, и...

Я никоим образом не утверждаю, что разыскиваемый Горьким или Луначарским

гуманизм — безупречен. Я всего лишь обращаю внимание читателя на то, что это новый гуманизм. И что именно способность сформировать в реальности новую гуманистическую установку была миссией коммунизма. Советский проект эту установку не оформил. Или не дооформил. Новый гуманизм не был запрещен Сталиным. А также теми, кто пришел ему на смену. Он просто был отодвинут на обочину. Но в каком-то смысле уж лучше бы он был запрещен.

При этом, как мы видим, сам Сталин понимал необходимость нового гуманизма. Иначе бы он так не оценивал произведение Горького. Но вождю всё время было не до того. Индустриализация... Война... Послевоенное восстановление... Необходимость находиться на грани новой мировой войны... Грызня оформившихся позднесоветских номенклатурных кланов...

А после Сталина в коммунистическом руководстве не было человека нужного масштаба и нужной глубины мышления. Поэтому-то и оказался новый гуманизм на обочине. Что и привело к нашему поражению, распаду СССР, построению криминального капитализма, формированию специфической зоны «Ч», зоны предельной дегуманизации. Эта дегуманизация, которую я уже предложил рассматривать как построение ада на земле, не может быть обсуждена, коль скоро мы не включим в число борцов за новый гуманизм не только Горького, но и Томаса Манна. Стоп.

Томас Манн, несомненно, является одним из величайших гуманистов XX века. Но причем тут новый гуманизм? Ведь Томас Манн, казалось бы, никакой особой симпатии к занятию поисками этого гуманизма Красному проекту не проявлял, в отличие от других немцев. Своего брата Генриха, например. Или великого Бертольда Брехта.

Так-то оно так. Но тем интереснее то, что о новом гуманизме говорят не Генрих Манн, не Брехт, а именно Томас Манн, казалось бы, весьма далекий от Красного проекта.

Размышляя над «Записками из подполья» Достоевского, Томас Манн выражал надежду, что идеи, высказанные героем «Записок из подполья», хотя и кажутся человеконенавистническими, но всё же (цитирую его статью «Достоевский — но в меру») — «высказаны во имя человечества и из любви к нему: во имя нового гуманизма, углубленного и лишенного риторичности, прошедшего через все адские бездны мук и познания».

Эта прямая цитата ставит точку в споре о том, считал ли Томас Манн новый гуманизм единственным шансом для спасения человечества.

Размышляя о Ницше, вчитываясь в суждения о нем поэта и философа Новалиса, Томас Манн обращал внимание своих современников на то, что ницшевский сверхчеловек — это всего лишь буржуа будущего. В котором с максимальной силой выражены все характерные черты буржуазной жизни: несправедливость, ложь, эксплуатация. Ни Генрих Манн, ни Бертольд Брехт, ни Горький (испытывавший, кстати, очень сильное влияние Ницше) никогда бы не сказали таких слов о сверхчеловеке Ницше как квинтэссенции всего того антигуманистического, что есть в буржуазном обществе. И что неизбежно по мере отказа этого общества от истории, а значит, и от гуманизма — станет альфой и омегой смутившего постисторического капитализма.

Рассуждая о новом гуманизме, Томас Манн утверждает, что этот гуманизм должен обязательно окраситься религиозно окрашенной мыслью о человеке. Что это должен быть «окрашенный в религиозные тона, религиозно обоснованный гуманизм, прошедший через многие испытания, обогащенный опытом прошлого, измеривший в человеке все бездны темного и демонического для того, чтобы еще выше поднять человека и возвысить тайну человеческого духа».

А дальше — строки, которые вполне могли быть произнесены генсеком КПСС на съезде, посвященном проблеме нового гуманизма. А в каком-то смысле и должны были быть произнесены, если бы КПСС не отказалась бы от своей миссии, не капитулировала бы перед мировой капиталистической системой. Вот эти строки:

«Религия — это благоговейное поклонение; прежде всего, благоговейное поклонение тайне, которую представляет собой человек. Там, где речь идет о переустройстве человеческого общества, об установлении

в нем новых отношений, о том, чтобы согласовать его развитие с движением стрелки на часах истории, там немного пользы принесут международные конференции, технические мероприятия, юридические институты, и World Government так и останется утопией рационалистов».

Сначала необходимо изменить духовную атмосферу, в которой живет человечество; необходимо выработать у людей новое чувство — гордое сознание того, что быть человеком и трудно, и благородно; необходимо объединить всех людей без исключения какой-то одной доминирующей, всепроникающей и направляющей идеей (имеется в виду новая гуманистическая идея — С.К.), которую каждый сознавал бы в себе как своего внутреннего судью. Писатели и художники, проникая всё более глубоко в человеческие души, захватывая всё большее число людей своим незаметным, ненавязчивым воздействием, могут в какой-то мере способствовать выработке и утверждению этой идеи».

И почему, собственно, такой идеей не мог стать обновленный, духовный, полноценный, метафизический коммунизм, он же новый гуманизм? Только он и мог стать этой идеей, не правда ли? И то, что он ею до сих пор не стал, может обернуться только гибелью человечества. Потому что... но тут опять стоит передать слово Томасу Манну, размышлявшему о смысле творчества Гете и утверждавшему, что смысл этот в самоотречении старого бюргерского (то бишь буржуазного) гуманизма, в преодолении (цитирую) «индивидуалистического гуманизма во имя новых гуманистических педагогических принципов». Обсуждая роман Гете «Годы странствия Вильгельма Мейстера», Манн пишет, что в этой книге (вновь прямая цитата) «сверкают зарницы идей, далеких от всего, что подразумевается под бюргерским гуманизмом, далеких от классического и бюргерского понятия культуры, формированию и утверждению которого в первую очередь способствовал сам Гете».

Способствовал... Может быть, это способствование и улавливал Сталин, понявший противоречивость Гете и сказавший, что есть штуки посильней того гуманизма, которому способствовал Гете, и который сам же Гете и отрицал?

Размышляя над «Прощальными письмами европейских борцов Сопротивления», Манн пишет, что главным источником стойкости этих борцов «является вера, которой они гордятся, и которая вовсе не обязательно носит религиозный характер в собственном, узком смысле слова». При этом Манн подчеркивает, что ряд из этих героев классически набожен. И что новый гуманизм должен связать таких классически набожных людей с людьми светскими.

Завершая статью, Манн заявляет о том, что все герои сопротивления умирали в надежде на лучшее будущее всего человечества (вспомним «Да здравствует коммунизм, светлое будущее всего человечества!»). Что «эта мысль повторяется снова и снова, и сердце сжимается, когда подумаешь о том, во что превратилась победа в будущем», что стало с верой и надеждой этой молодежи, в каком мире мы теперь живем». А дальше следуют строки, которые всем, кто хочет сражаться за новый гуманизм, надо было бы заучить наизусть:

«Мы живем в мире злейшей реакции, сочетающей суеверную ненависть и нетерпимость с паническим страхом».

Разве потеряла актуальность такая характеристика нашего мира (мира, про который Стэнли Крамер сказал: «Этот безумный, безумный, безумный, безумный мир»)? Притом что сказано это было в середине XX века. А мы вот-вот войдем в 20-е годы XXI века. Увы, эта характеристика никоим образом не потеряла своей актуальности. Всё в большей степени буржуазия, стремясь повернуть вспять колесо истории, превращаясь из исторического класса (каковым она была в конце XVIII — начале XIX века) в класс антиисторический, приобретает реакционный характер. А ведь буржуазия не просто тормозит исторический процесс. Она стремится запустить регресс, то есть повернуть колесо истории вспять. И она уверена, что впервые в ее руках есть массмедийные, психологические и иные средства, позволяющие решить эту задачу. Повернуть колесо истории вспять... Болгарский коммунист Георгий Димитров

говорил на процессе, организованном против него Третьим рейхом, что суть фашизма состоит именно в том, чтобы повернуть вспять колесо истории.

Этот отчаянный, беспрецедентный по своей злой амбициозности замысел буржуазии был окончательно проартикулирован узким кругом «сильных мира сего» после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Слишком очевидно к этому моменту стало, что легитимно властвовать буржуазия не может. Что проект Модерн, дававший ей такую возможность властвовать, исчерпан. И что другой легитимности, кроме той, которая основана на пафосе Модерна (мол, мы реализуем великий Модерн в общих интересах по всему миру и потому легитимны), у буржуазии нет и не может быть. А значит, историческое лидерство будет неизбежно утеряно. То есть передано кому-то еще. Но тогда будет утеряна и власть, если только... Если только не исчезнет история, а вместе с ней и историческое лидерство как таковое. Тогда исчезнет и необходимость передавать кому-то эстафету лидерства.

«Так повернем же колесо истории вспять!», — воскликнули сильные мира сего, поддержав Питера. Но тут же выяснилось, что просто возврата колеса истории возвращает к жизни те классы, которые были лидерами до победы буржуазии. И что тогда буржуазии придется передать власть этим классам. Неофеодалному, например.

Конечно, буржуазия способна превратиться в неофеодалов. Или даже в неоробовладельцев. Так-то оно так, но слишком много изо всех щелей прошлого вылезает, знаете ли, недобитых конкурентов на роль новых господ. И слишком резво эти господа начинают действовать.

Укоротил эту резвость советский солдат-победитель. Буржуазия перевела дыхание. И стала размышлять о том, что же еще можно сделать с треклятой историей, которая отнимает у нее власть. И впрямь, что делать, если раскрутка колеса истории вспять чревата слишком большими издержками, а позволять колесу крутиться в историческом направлении — значит потерять власть? Как что — разрушить это самое колесо! И вот уже Фрэнсис Фукуяма, достаточно пустой и вялый неогегельянец, возведенный буржуазией на интеллектуальный пьедестал, говорит о конце истории. То есть о разрушении этого самого колеса.

Разве может быть что-нибудь более реакционное? И одновременно более трусливое? А также нетерпимое, ненавидящее... А ведь именно об этом сочетании реакционности, трусости, нетерпимости и ненависти говорит Манн, давая характеристику тому миру, в котором он жил. И который теперь еще более реакционен, труслив, нетерпим и исполнен ненависти. Но ведь он не сам по себе реакционен, труслив, нетерпим и так далее. Его такковым делает господствующий класс. То есть буржуазия, вознамерившаяся ликвидировать матушку Клию, она же история. И достаточно далеко продвинувшаяся в плане реализации такого клиоликвидаторства.

Обратив внимание на эти характеристики современного ему мира, Манн емко и походя говорит о том, что этот мир (который буржуазия начинает неслыханной антигуманистической клиоликвидаторской пакостью) обладает неслыханными ликвидационными возможностями. Что «мы живем в мире, которому, несмотря на его интеллектуальную и моральную неполноценность, судьба доверила оружие страшнейшей разрушительной силы, и это оружие накапливает безумцы, грозящие, если уж на то пошло, превратить землю в окутанную ядовитыми парами пустыню».

Отдав должное этой очевидной и обязательной для своего времени констатации («Солнечному свету — да, да, да, Ядерному взрыву — нет, нет, нет»), Манн переходит к тому, что опаснее любого ядерного оружия. «Духовный упадок, загнивание культуры, равнодушие к злодеяниям юстиции, поставившей себя на службу политике, самоуправство чинуш, безрассудное стяжательство, отмирание понятий «преданность» и «вера», — всё это, порожденное и, во всяком случае, стимулированное двумя мировыми войнами, плохое средство для предотвращения третьей войны, которая была бы равнозначна гибели цивилизации».

Продолжение — на стр. 4

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Продолжение — со стр. 3

И, наконец, Манн говорит о главном. О том самоубийственном для буржуазии сговоре с добуржуазными (то бишь неонацистскими) недобитками, который тысячекратно усилил удары врагов СССР, коммунизма и гуманизма как такового — по нашей советской стране и нашему советскому обществу.

«Роковое стечение исторических обстоятельств подталкивает демократию и толкает ее в объятия фашизма; можно подумать, что она нанесла ему поражение для того только, чтобы помочь поверженному вновь подняться на ноги, для того только, чтобы топтать ростки добра повсюду, где их можно найти, и покрывать себя позором бесчестных союзов.»

Томас Манн чувствует, что речь идет о сговоре сил, стремящихся уничтожить и гуманизм, и историю. И вне зависимости от того, как он относится к коммунистам, он не может не понимать, что буржуазия хочет восстановить дружбу с чуть было не разорвавшими ее в клочья добуржуазными фашистскими недобитками во имя победы над коммунизмом. И что на алтарь этой победы приносятся и гуманизм, и история.

Далее Манн задает вопрос, который мы могли бы задать. Мы могли бы спросить себя: «Так неужели жертва наших предков, с таким трудом победивших нацистскую гадюку, напрасна?»

Манн, по сути, задает на свой манер, аналогичный вопрос.

«Так неужели же вера, чаяния и готовность к самопожертвованию европейской молодежи, носившей чудесное имя «Résistance», интернационально-единодушное сопротивление надругательству над их странами, позору подчинения Европы Гитлеру, страшной угрозе завоевания Гитлером всего мира, — неужели эти устремления молодежи, которая, однако, мечтала о чем-то большем, нежели об одном только сопротивлении, чувствовала себя провозвестником лучшего человеческого общества, отвергнуты жизнью и оказались напрасными?»

Говорят, что история не имеет сослагательного наклонения. И это правда. И уж тем более в реальной истории нет места тому сослагательному «если бы», которое я сейчас повторю. Ибо повторение, как я уже показал выше — воистину мать учения. И, тем не менее, я не считаю неуместным выдвигание некоего «если бы».

Ведь и впрямь, если бы Сулов или Брежнев сказали об устремлениях молодежи, которая мечтала о чем-то большем, нежели просто сопротивление, и чувствовала себя провозвестником лучшего человеческого общества... Если бы они об этом сказали, история пошла бы по другому пути. А почему, собственно, они не могли об этом сказать, читатель? В устах далекого от коммунизма Томаса Манна эта фраза звучит достаточно дико. Но в устах Сулова или Брежнева она бы звучала нормально. Потому что к моменту, когда Манн произнес эти слова, единственной заявкой на лучшее человеческое общество был советский коммунизм, да и коммунизм в целом. А ведь нельзя говорить вообще о лучшем человеческом обществе, не правда ли? Так почему же Сулов и Брежнев не сказать, что все борцы с нацизмом верили в то, что они являются провозвестниками именно некоего нового общества, более справедливого, чем существующее общество (то есть общество буржуазное)? И что эта их вера не может быть поругана?

Сказали бы они это — и многое бы изменилось. Да, пришлось бы говорить и о провозвестниках, и о вере. И о новом гуманизме, разумеется. А также об эгрегоре. Ведь в тех словах Манна, которые я сейчас приведу, фактически говорится об эгрегоре. То есть о коллективной жертве, которая не может быть напрасна. А что значит невозможность напрасной коллективной жертвы? Это значит, что эта жертва обладает мощным созидательным воздействием на будущее. А мощное созидательное воздействие на будущее коллективной жертвы, то есть сообщество тех, кто принес себя в жертву ради чего-то, — это и есть воздействие эгрегора на историю, не правда ли?

Желая оставаться светским (а для нас это, разумеется, крайне важно), Манн облачает свои представления о воздействии эгрегора на будущее в нижеследующее отрицание самой возможности того, что коллективная жертва, принесенная на алтарь будущего, может быть напрасной. Этого не может быть, говорит Манн, не поясняя, почему. Этого

не может быть и точка, говорит он. И добавляет:

«... Еще не было такого случая, чтобы идея, за которую с чистым сердцем боролись, страдали и умирали люди, — погибла. Такие идеи всегда осуществлялись. И пусть даже они носили на себе грязные следы действительности, но жизнь их завоевывала. Только девятнадцатилетний юноша мог наивно полагать «что после этой войны начнется счастливая жизнь». Земля наша — не обитель счастья и нравственной чистоты, и меньше всего она может стать ею благодаря войне, пусть даже самой справедливой и необходимой. Но стремление приблизить жизнь человеческую к доброму и разумному, ко всему, что продиктовано духом, дано нам свыше, и никакой скепсис не в состоянии лишить эту задачу ее злободневности... Она жива, эта задача, несмотря на все поражения, вопреки им.»

А дальше следует текст, особо существенный именно потому, что его автор нерелигиозен.

«В этих прощальных письмах христиане и атеисты сошлись в общей для них вере в посмертное существование, приносящей успокоение их душам.»

Манн сознательно не хочет в своей короткой статье говорить о том, на чем же именно сошлись христиане и атеисты. Потому что просто сойтись на вере в посмертное существование они не могут. Да и сулить атеисту успокоение его души — занятие, согласитесь, сомнительное. И, тем не менее, Манн настаивает на том, что христиане и атеисты сошлись на чем-то. На чем же именно? На каком это таком посмертном существовании? Вчитаемся в то, как именно Манн как бы разясняет свою позицию. Да, именно как бы. Потому что по-настоящему разяснить он ее, конечно же, не желает.

Сначала Манн приводит слова христиан и атеистов, которые объединяют тех и других в некоей вере. Вот эти слова.

«Я всегда буду с вами». «Жизнь и чувства, меня наполнявшие, не умрут». «Я буду расти и зреть, я буду жить в вас...»

Далее Манн пишет:

«Можно ли сомневаться в этом? Можно ли думать, что люди напрасно сражались за свободу в Испании, а затем во всех странах Европы, в которых были написаны эти письма?»

Затем Манн все-таки что-то проясняет, с огромным нежеланием уходя с территории писательского комментария на территорию философии:

«Будущее вберет в себя и поведет с собою эти принесенные в жертву жизни, в нем они будут «расти и зреть»».

Что такое в точности для Манна будущее, которое вбирает в себя и ведет за собой? Писатель не дает на это прямого ответа. Но поскольку он всё время говорит о духе, то нет никаких сомнений, что в будущем он ощущает сокровенное начало. И что именно это начало (которое может быть только духом истории) вберет в себя жертвы. Что, вобрав эти жертвы, оно сумеет нечто зачать (а ведь зачать оно может только великую новизну или грядущий день). И что зачатое будет расти и зреть. Для чего? Для того чтобы родиться, даровав миру и новый гуманизм, и новую историческую страсть и нового человека, и многое другое. Жертва как живительное семя, брошенное в почву, дабы, умерев, воскреснуть и расцвести. Вот о чем говорит тот, кто мог бы спасти и Красный проект, и СССР, и новый гуманизм, и нового человека, если бы... «Если бы произошло то, что не могло произойти», — скажет читатель.

Да, конечно, это не могло произойти. И я не предаюсь, рассуждая об этих «если бы», никчемным фантазиям. Томас Манн, ставший Суловым или Брежневым, — это поясняющая метафора, введение которой вовсе не означает рассмотрения мною реальной возможности чего-то подобного. Я, задействовав эту метафору, хочу всего лишь наглядно показать, как мог бы выглядеть постсталинский вариант развития коммунизма, альтернативный тому, который предложили хрущевцы, и который лишь усугубили брежневцы.

Хочу показать, что этот вариант был. Что идеи нового гуманизма жаждали соединиться с идеями советского коммунизма. Манн, между прочим, написал эту свою статью «Прощальные письма европейцев борцов Сопротивления» не в 1946-м, а в 1954 году. То есть сразу после смерти Сталина.

И, наконец, я хочу показать, что результатом отказа от такого соединения нового гуманизма с советским коммунизмом могла быть только смерть СССР и коммунизма в целом. Понимали ли это Брежнев, Сулов... тот же Хрущев... Понимал ли это Андропов? Его куратор Куусинен? Задав эти вопросы, я адресую читателя к статьям Анны Кудинновой. А сам продолжаю заниматься зыбким новогуманистическим наследием Томаса Манна. Наследием, которое мне представляется крайне важным и для спасения гуманизма в XXI столетии, и для реализации проекта СССР 2.0.

Сообщу читателю, что статья Манна, которую я так подробно разбираю, кончается так:

«А этой книге, книге-памятнику могли послужить эпиграфом слова, которые один француз, молодой рабочий, написал в феврале 1944 года за несколько часов до казни: «Я надеюсь, что моих товарищей и меня не забудут, ибо должны помнить»».

Не забудут, ибо должны помнить... Что ж, видимо, не зря я так подробно доказывал, что повторение — мать учения. И подчеркивал, что речь идет не о буквальном повторении, а о чем-то большем. Во имя этого большего повторю читателю фразы из стихотворения Твардовского «Берег», сказанные о тех, кто принес жертву не во Франции, а в России:

*Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить без них в своем отдельном счастье,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир отчужденный?*

*И, жизнь пройдя по выпавшей тропе,
В конце концов, у смертного порога,
В самих себе не угадать себе
Их одобренья или их утрека!*

*Что ж, мы травя? Что ж, и они травя?
Нет. Не избить нам связи обоюдной.
Не мертвых власть, а власть того родства,
Что даже смерти стало неподсудно.*

Ну вот, всё и сошлось, читатель. И почему сошлось? Потому что мы занялись не буквальным повторением, а чем-то большим. Суперповторением, так сказать.

В ходе этого начинания мы поговорили и о сталинской трактовке «Фауста». Мол, у Гете любовь не побеждает смерть, а у Горького побеждает, — и это более сильная позиция.

И о том, что для Твардовского есть власть рода, побеждающая смерть.

И о том, что Томас Манн утверждает именно то же самое.

И о том, что такая победа павшего в земле зерна возможна лишь в случае, если всходами будет новый гуманизм.

И о том, что об этом новом гуманизме грезили не только коммунистические романтики (как Горький и Луначарский), но и такие скептики, как Томас Манн.

Мы убедились в полном тождестве слов Манна и слов Твардовского.

Мы убедились в том, что новый гуманизм мог соединиться с советским коммунизмом и на ранних этапах нашей истории, и сразу после смерти Сталина.

И что в этом смысле и впрямь фантастическая и саркастическая метафора «Томас Манн на месте Сулова» обнажает суть переживаемой нами трагедии. Что соединил новый гуманизм и коммунизм (то бишь — в переносном, разумеется, смысле — замени Томас Манн Михаила Сулова) — развелись бы красный флаг не только над Кремлем, но и над Вашингтоном, Лондоном, Парижем, Римом, Берлином и Тель-Авивом. И строило бы человечество рай на земле. А вместо этого — о коварство духа истории! — наш отказ от подобного разворота событий приводит именно к тому, что человечество начинает строить ад на земле. И десантируется его строитель, он же враг человечества, именно на землю нашего Отечества, победившего Гитлера. В этом мщении за нашу Победу, мщении за наше желание строить рай на земле, мщение за наш отказ поклониться аду на земле и так далее.

Не захотели поклониться этому аду в 1941 году — теперь в другом варианте будете даже не жертвами, которых растаптывают создатели ада на земле. Ими бы вы стали, если бы тогда Сталина победил Гитлер. Тогда этого не случилось. А теперь... теперь вы будете не жертвами, а строителями ада на земле. Вы этот ад сначала постройте, потом сами

себя туда захихнете. А потом превратите этот ад в воронку, засасывающую внутрь себя всё человечество.

Но перед тем, как перейти — с помощью всё того же Томаса Манна — к описанию этого самого ада, я всё же сообщу читателю о том, что манновские «Прощальные письма борцов сопротивления» начинаются русским сюжетом, то есть цитатой из рассказа Льва Толстого «Божеское и человеческое» (в этом рассказе, написанном в 1905 году, русский революционер Светлогуб пишет прощальное письмо матери). Сообщив об этом русском моменте в творчестве немецкого гения, я обязан процитировать кусок из статьи Манна «Слово о Чехове».

Томас Манн утверждает, что Чехов очень остро ощущал бесконечную губительность буржуазного порядка вещей. Что Чехов остро ощущал тупиковость капиталистического пути развития (он же проект Модерн). Что Чехов пророчески предсказывал будущую антиисторичность и антигуманистичность капитализма. И в доказательство этого приводил слова чеховского «никчемного человека», заявляющего, что «рядом с процессом постепенного развития идей гуманнейших, наблюдается и постепенный рост идей другого рода. Крепостного права нет. Зато (он мог бы вполне сказать: как раз потому) — добавляет Манн — *растет капитализм. И в самый разгар освободительных идей... большинство кормит, одевает и защищает меньшинство, оставаясь само голодным, раздетым и беззащитным. Такой порядок преферансно уживается с какими угодно величиями и течениями, потому что искусство порабощения тоже культивируется постепенно»* (слова «искусство порабощения тоже культивируется постепенно» Томас Манн выделяет курсивом — С.К.). Мы уже не дерем на конюшне наших лакеев, но мы придаем рабству уточненные формы, по крайней мере, умеем находить для него оправдание в каждом отдельном случае. У нас идеи — идеями, но если бы теперь, в конце XIX века, можно было бы взвалить на рабочих еще также наши самые неприятные физиологические отправления, то мы взвалили бы. И потом, конечно, говорили бы в свое оправдание, что если, мол, лучшие люди, мыслители и великие ученые, станут тратить свое золотое время на эти отправления, то прогрессу может угрожать серьезная опасность».

Манн восхитается этими словами чеховского героя. Считает эти слова пророческими именно в плане нарастания наряду с идеями гуманнейшими идей другого рода, именно в плане нарастания искусства порабощения. То есть в плане всего, что касается победы антигуманизма над гуманизмом и построения ада на земле.

Но для нас наиболее поразительно даже не это. А то, что и впрямь Юлия Латынина и ей подобные страстно хотели бы возложиться на ненавидимых ими анчоусов и недочеловеков всё что угодно, включая свои неприятные физиологические отправления (приятные, они, конечно, хотели бы оставить себе). А Дмитрий Быков и ему подобные — поносят Чехова за то, что он угадал и вовремя проклял латынско-быковскую пакость.

Как именно Чехов угадал, Быков понять не может. Потому что для Быкова Чехов-человек и Чехов-творец (от которого требует священной жертвы Аполлон) — это одно и то же. Издевательски утрируя слабые стороны Чехова-человека, Быков хочет подавить всё, что связано с Чеховым-творцом. А связано с Чеховым-творцом именно то, что восхищенно цитирует Томас Манн (чьи человеческие недостатки, наверное, тоже мог бы смаковать начисто лишенный этих недостатков Д. Быков).

А вот как Томас Манн угадал судьбонность для человечества неких русских пророчеств, тесно связанных и с предощущением нового гуманизма, и с предощущением коммунизма? Томас Манн, как мне представляется, угадал всё это и потому, что сам был не чужд этих предощущений. И потому, что обладал иными предощущениями, связанными с построением антигуманистического ада земного. Но об этом в следующей статье.

Сергей Кургинян

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Значительная часть спецслужбистской элиты путинского призыва всерьез забеспокоилась лишь тогда, когда по постсоветскому пространству покати́лась волна «оранжевых революций»

Тучные 2000-е годы: иллюзорное российское благополучие

После победы над ЮКОСом и усмирения староельцинских кланов политическая и экономическая ситуация в стране представлялась команде Путина вполне благоприятной.

ВВП России с 2000 по 2008 г. вырос в 1,66 раза, промышленное производство — в 1,51 раза, сельскохозяйственное производство — в 1,38 раза.

Действительно росло (разумеется, в среднем) благосостояние населения: потребительские расходы домохозяйств с 2000 по 2008 г. увеличились в 2,26 раза. Рынок насыщался потребительскими товарами по сравнительно доступным ценам, оставалась на низком уровне (опять-таки, в среднем) безработица.

Внешний государственный долг к 2008 г. сократился до \$40,6 млрд. Одновременно быстро увеличивались международные резервы России (так называемая «антикризисная подушка безопасности»). Если на конец 2001 г. международные резервы РФ, номинированные в долларах, составляли \$34,6 млрд., то в середине 2008 г. они достигли \$600 млрд.

Многие аналитики, признавая эти результаты вполне успешными, начали оценивать экономическое положение страны формулами: «Россия встает с колен», «экономика вошла в колею здорового и эффективного развития» и т.п. Причем эти результаты объясняли и «победой над олигархами», и «созданием в России всё более эффективной рыночной экономики», и «успешной приватизацией государственных активов».

Конечно, нельзя не признать, что отодвигание олигархов от власти и соблюдение даже минимальной хозяйственной и налоговой законности существенно упорядочили экономическую жизнь страны. Но, тем не менее, в действительности решающую роль в экономических успехах России играли заниженный курс рубля и быстрое повышение мировых цен на основную российскую экспортную продукцию: нефть, газ, металлы, удобрения, древесину.

Так, в 2005 г. обменный курс рубля к доллару был 29 руб. за доллар, а паритет покупательной способности рубля (ППС) — 13 руб. за доллар, то есть курс был занижен примерно в 2,2 раза. А это, как мы уже обсуждали ранее, очень существенно повышало конкурентоспособность российских товаров и услуг и на внутреннем, и на мировом рынке. К 2008 г. соотношение рубля и доллара по курсу и по ППС снизилось до 30/17 (до 1,8 раза), но по-прежнему оставалось достаточно высоким.

Мировые цены на нефть взлетели с менее чем 30 долларов за баррель в 2003 г. до 100 и более долларов за баррель в 2008 г., вслед за ними неуклонно росли и цены на газ, металлы, древесину. Плюс к этому, введенные после победы Путина над ЮКОСом налог на добычу полезных ископаемых и экспортная пошлина, которые оказались привязаны к мировым нефтяным ценам и росли вместе с ценами, резко увеличили долю нефтяной ренты, отчисляемую в бюджет. Если в 2000 г. эта доля была менее 40%, то к 2005 г. она выросла до более чем 80%.

Что же касается доходов от приватизации, то их роль в бюджете страны всё время реформ была мизерной. В частности, ни разу в течение двух десятилетий реформ доходы от приватизации не превысили даже госрасходы на процентное обслуживание госдолга. А производительность и доходность приватизированных государственных активов, вопреки сказкам либеральных СМИ, почти никогда не повышались. Более того, «реорганизации» приватизированных заводов очень часто сводились к тому, что их оборудование отправляли на экспорт в виде металлолома, а заводские площади сдавали в аренду или продавали под склады, офисы, торговые комплексы и т.д.

Один из самых наглядных результатов приватизационных «реформ» — то, что произошло с Единой энергосистемой России. Чубайс, возглавивший РАО ЕЭС в 1998 г., в 2000 г. заявил программу его

реформирования «к цивилизованному конкурентному виду». И, естественно, пообещал результат. Не «две машины «Волга» за каждый ваучер», как в начале приватизации 90-х годов, а энергетическое перевооружение России и резкое снижение стоимости электроэнергии для промышленных и бытовых потребителей.

В итоге реформы, завершённой в 2008 г., от ЕЭС остались под государственным контролем Системный оператор энергорынка, Федеральная сетевая компания (управляет магистральными электросетевыми сетями), Федеральная гидрогенерирующая компания (управляет крупными ГЭС) и концерн «Энергоатом» (управляет АЭС).

Все тепловые электростанции, кроме нескольких автономных региональных энергокомплексов (Татэнерго, Башкирэнерго, Новосибирскэнерго, Иркутскэнерго), были разделены на 21 объединенные (ОГК) и территориальные (ТГК) генерирующие компании и приватизированы.

Каковы результаты?

Во-первых, от объявленной цены приватизации гигантского энергохозяйства России (около \$30 млрд) госбюджет не получил почти ничего. Зато в годы реформы очень хорошо финансировалась патронируемая лично Чубайсом политическая партия «Союз правых сил».

Во-вторых, выяснилось, что модернизировать и строить энергообъекты новым частным владельцам почему-то «не по карману», и создаются они (если вообще создаются) в значительной степени за государственные средства.

В-третьих, энерготарифы, вопреки обещаниям Чубайса, не снижаются, а неуклонно растут — и для промышленных потребителей, и для населения.

В-четвертых, состояние энергетики, а также безопасность и аварийность на электростанциях и в сетях последовательно ухудшаются. Чему свидетельством растущее число мелких энергоаварий, крупнейший «блэкаут» в Центральном регионе РФ в начале 2006 г., а также катастрофа на Саяно-Шушенской ГЭС в августе 2009 г.

Менее скандальные, но не менее болезненные «реформы» шли и в других отраслях промышленности, неуклонно ухудшая состояние производственного комплекса и структуру российской экономики. Это особенно наглядно показывает динамика отечественного экспорта и импорта. Так, если в 2000 г. сырье (энергосиловые ресурсы, руда, металлы, древесина) составляли примерно 75,5% общей стоимости российского экспорта, а машины и оборудование — около 8,8%, то в 2008 г. доля сырья в российском экспорте поднялась до 83%, а доля машин и оборудования упала до 4,9%. Но при этом доля зарубежных машин и оборудования в общей стоимости российского импорта за тот же период возросла с 31,4% до 52,7%.

Не лучше была и реальная ситуация с внешним долгом. Если государственный долг России действительно был почти погашен, то долг частного и государственного бизнеса (предприятий, корпораций, банков) вырос с \$146,3 млрд. в 2002 г. до \$480 млрд. в 2008 г. \$320 млрд. из этой суммы составляли долги частного финансового и производственного

бизнеса, а \$160 млрд. — долги предприятий, банков и корпораций с государственным акционерным контролем.

Наконец, неуклонно обострялась проблема социально-экономических «разрывов» между различными регионами страны. В крупнейших городах — центрах республик и областей — налоги с зарегистрированного там бизнеса позволяли поддерживать местные бюджеты и обеспечивать какую-никакую «социалку», а работающие предприятия и сфера услуг создавали рабочие места. Относительно благополучны были и немногочисленные «сырьевые» регионы.

Но в республиках и областях, где не сохранились ни крупные работающие предприятия, ни успешное сельское хозяйство, ни добыча экспортного сырья социально-экономические проблемы быстро нарастали. В отношении таких регионов, а также множества российских «моногородов» и поселков, где ранее работало, а теперь оказалось закрыто фактически единственное градообразующее предприятие, всё чаще использовалось страшное определение «застойная бедность».

Очевидно, что эти тенденции не могли не нарастать в стране конфликтный социально-экономический (включая бытовую преступность), а затем и социально-политический фон. Который именно с середины первого десятилетия нового века начал осложняться расширявшимся притоком в Россию мигрантов из еще более нищих республик Средней Азии и Закавказья. И именно с этого времени в регионах впервые массово зазвучали разного рода резкие высказывания в адрес «жиреющей столицы». Те самые, которые чуть позже отделились в сепаратистский лозунг «Хватит кормить Москву».

Кроме того, староельцинские либерально-дерибанские олигархические кланы были частично отодвинуты от власти, но никуда не делись. Они быстро оправались от поражения и начали последовательно отвоевывать позиции во всех сферах информационной, законодательной, административной власти.

И вот тут перед Путиным встал вопрос уже не политический и прагматический (с этими вопросами он к тому времени разобравшись), а стратегический и идеологический. Что делать с силами, которые ты отодвинул, и которые неизбежно рано или поздно начнут возвращать себе утраченные позиции? Эти силы можно или уничтожить до конца, или вписывать в систему на новых основаниях.

До конца такие силы пытался уничтожить Сталин, упрекавший, как известно, Ивана Грозного в том, что тот решил эту задачу не полностью. Хотя и у Сталина, как выяснилось позже, при Хрущеве, получилось далеко не все.

Но главное в другом. Путин не имел ни сильных международных позиций Сталина, ни идеологии Сталина, ни мощной партии Сталина. И, кроме того, к этому моменту Путин уже не вполне доверял своим чекистским собратьям — даже ближайшим, питерским. Подозревая их в том, что они могут начать за здоровье (то есть «зачистить») врагов Путина, а закончить за упокой (то есть «зачистить» самого Путина).

В силу этих или каких-то других причин, Путин взял на вооружение стратегию вписывания своих смертельных врагов, им от власти и «пирога» решительно отодвинутых, в свою новую систему. С одной стороны, он в этом преуспел. Путину присягнули все так называемые сислибы (системные либералы) вплоть до Чубайса и Авена с Фридманом. С другой стороны, эта стратегия привела к серьезнейшей деморализации ядра путинского спецслужбистского клана, которое до момента предъявления ему такой стратегии было готово к далеко идущей «морализации и патриотизации» своих действий.

Как только путинский клан уяснил, что ему отводится роль одного из слагаемых кланового баланса, не могла не начаться коммерциализация его деятельности. Логика клана была проста и ясна: «Им можно, а нам нет? Да если они используют предоставленные им возможности, а мы будем чистоплюйствовать, у нас не будет никаких политических шансов. И нас рано или поздно «зачистят» наши противники».

С этого момента возникает то, что называют «консенсусом дерибана». Дербанить, то есть вести себя как волки первоначального накопления, — стали обе силы, вписанные Путиным в новую систему. Но если старая сила поступала сообразно своей природе, то новая сила извращала свою природу. И потому разлагалась даже быстрее своих клановых конкурентов.

Обновленный клановый пул, который назвали «питерско-чекистским», начал вести себя так же хищно, как и прежний «олигархат». Несколько менялись формы дерибана и характер коррупции, но дерибан — продолжался. Включая чиновное взяточничество, откаты за госзаказы и распил бюджетного финансирования госпроектов.

«Бабки» старых и новых кланов, полученные от этих высокоприбыльных занятий, в основном легально и нелегально отправлялись за рубеж и превращались в яхты, виллы и банковские счета. А также концентрировались в выведенных в офшоры якобы «материнских» компаниях отечественных новых и старых российских «олигархов», и затем частично поступали в Россию в виде «зарубежных» инвестиций и кредитов.

На почве этого дерибана происходило и быстрое разращение новопутинской элиты, и сращивание староельцинских и новопутинских кланов. А также вспухали всё более острые элитные конфликты как между старыми и новыми клановыми альянсами, так и внутри элиты новопутинских чекистов. Один из этих наиболее показательных конфликтов — так называемое «Дело компании „Три Кита“» — подробно разобрал в своей книге «Качели» Сергей Кургинян.

Но поскольку цены на российское сырье повышались, ВВП рос, народ (пока) не бунтовал, а золотовалютная подушка безопасности распухала, — то увлекшиеся дерибаном элиты не слишком беспокоились по поводу всяких там «мировых тенденций». Ну, воюют американцы в Афганистане и Ираке — и слава богу, нам спокойнее. Ну, начинают раскачивать политическую ситуацию на Ближнем Востоке, — и ладно, от нас это далеко. Ну, собираются ставить базы противоракет в Польше и Румынии — пусть ставят, у нас пока ядерного оружия хватает.

Значительная часть спецслужбистской элиты путинского призыва всерьез забеспокоилась лишь тогда, когда по постсоветскому пространству покати́лась волна «оранжевых революций». Эти профессионалы точно (не из прессы) знали, кто создавал уличную «оранжевую» стихию и как ею управляли в Грузии, на Украине, в Киргизии. И потому понимали, что эти страны «оранжевые» спецоперации вряд ли ограничатся.

О том, что было далее — в следующей статье.

Юрий Бялый

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА

Итак, по советскую сторону «моста» — формирующаяся русско-националистическая группа, одним из внешних опознавательных признаков которой является почвенничество.

А по зарубежную сторону — очень разные субъекты, беспредельно враждебные к «красному» и советскому

Пазл — 2

Мы уже проделывали однажды работу, которую я предлагаю читателю проделать вновь. А именно — собрать пазл из тех сопряженных с фигурой М. Бахтина (но, возможно, на чей-то взгляд разрозненных) сюжетов, которые были рассмотрены в нескольких последних статьях.

Итак, мы проследили линию преемственности от Коминтерновского Отдела международных связей (ОМС) до Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран (сокращенно — Отдела по соцстранам), созданного в 1957 году с Андроповым во главе.

Мы зафиксировали, что сложившаяся еще в недрах Коминтерна группа, маркируемая для нас именем Куусинена, в течение многих лет сохраняла позиции в структурах, преемственных ОМС. И, соответственно, последовательно оказывала влияние на все эти структуры — в том числе, на Андроповский Отдел по соцстранам. Постепенно мутируя, данная группа передала красные смыслы и присягнула новому проекту — проекту вхождения России (СССР) в Европу. А, присягнув, начала наносить удары прежде всего по тем, кого увлечь идеей вхождения в Европу было фактически невозможно. То есть по сторонникам «особого пути развития России» (Бурлацкий называет их «сталинистами»).

Что представляли собой эти сторонники к концу 1950-х годов? После XX съезда общество было глубоко травмировано обрушившимися на него разоблачениями «сталинского режима». Тем не менее, многие советские граждане, позитивно относившиеся к идее «особого пути», всё еще увязывали «особый путь» с красным проектом. Построение социализма в одной отдельно взятой стране и было для них этим самым «особым путем».

Но в число сторонников «особого пути» входили и те, кто рассматривал красный проект не как особый путь, а как аномальное отклонение России от ее особого пути. Назовем их условно «русско-националистической группой» (или, по Байгушеву, «русской партией»). В каком-то недооформленном виде эта группа существовала и при Сталине. Получить внятное оформление в сталинскую эпоху она не могла. Ибо, повторюсь, для Сталина целостность советской империи была непреложной ценностью. А любой национализм — русский в том числе — угрожал этой целостности, и потому пресекался.

Те, кто провозгласил своей целью вхождение России в Европу, в качестве одной из своих задач поставили как раз оформленные «русско-националистической группой». Хрущевская кампания по десталинизации посеяла среди адептов красной веры сомнения и колебания. Это давало шанс на то, чтобы ослабить «красных» сторонников особого пути, перенаправив энергию колеблющихся из «красного» русла — в русло «русско-националистическое».

Помимо программы-минимум — уменьшения числа адептов красной веры за счет перетягивания части «красных» на свою орбиту — «русско-националистическая группа», по замыслу ее «оформителей», должна была выполнить и программу-максимум. Которая состояла в том, чтобы под видом *создания великой русской империи, освободившейся от ига «проклятого марксизма», но сравнимой по мощи и величию с красной империей* (как мнилось «русской партии»), осуществить первый этап совершенно другого проекта. Этот этап заключался в *отбрасывании большей части национальных окраин СССР — во имя вхождения в такое «облегченное» состояние в Европу*. Таким образом, роль «русско-националистической группы» заключалась в том, чтобы «таскать каштаны из огня» для ненавистных ей «западников».

На какое смысловое поле ориентировалась обсуждаемая нами группа (ведь, чтобы выполнить хотя бы программу-минимум, ей необходимо было быть притягательной, а без сопричастности смысловому полю это попросту невозможно)? Безусловно, на почвенническое.

Напряженный историософский спор о пути и предназначении России начался

между почвенничеством и западничеством задолго до возникновения СССР. Почвенничество, сформировавшееся в 60-е годы XIX века, прочно связано с именем Ф. М. Достоевского. В частности, с его публицистическими работами, в которых он призывал вернуться к «своей почве» — то есть к народным, национальным началам. К русским началам.

Если мы откроем посвященную почвенничеству статью в «Большой советской энциклопедии», то прочтем, что почвенники *отвергали революционные, социалистические идеи и материализм, противопоставляя им христианские идеалы*, что они принимали в целом «европейскую культуру», однако одновременно *обличали «гнилой Запад» — его буржуазность и бездуховность*. И что основные авторы, в сочинениях которых проявились черты почвенничества, это Н. Я. Данилевский и уже упомянутый Ф. М. Достоевский (тут, прежде всего, имеется в виду его «Дневник писателя»).

Для того, чтобы крупный идеологический проект (а создание «русско-националистической группы», призванной реализовать описанные выше цели, — это крупный проект) не оказался мертворожденным, необходима харизматическая фигура, которая, притянув к себе сторонников, «энергетизирует» проект, вдохнет в него жизнь.

Но нет ли какой-то неувязки в нашем утверждении, что своеобразным «собирателем энергии» под «русско-националистический проект» стал Бахтин? Говоря о почвенничестве применительно к XX веку, невольно вспоминаешь В. Белова, В. Распутину и других писателей-деревенщиков. Но что общего между Бахтиным и этими писателями?

Бахтин и почвенничество... Несколько важнейших лет своей жизни Бахтин провел в Ленинграде — городе Петра Великого, прорубившего «окно в Европу». Бахтин был проникнут духом Петербурга, распахнут навстречу большой европейской культуре и, как представляется, не заморачивался на ключевой для почвенников теме самобытности России.

С другой стороны, Бахтин и Достоевский (главный идеолог почвенничества) ... Связь между Бахтиным и Достоевским очевидна — творчеству этого автора Бахтин посвятил большое талантливое исследование. Достоевский — один из самых «петербургских» писателей России. Он, как и Бахтин, не был замкнут на «посконно русское»...

Петербургские знакомые Бахтина, как и он, не принявшие Октябрь 1917-го, «не освященные Октябрем», но, в отличие от него, отправившиеся в эмиграцию... Мало приметный, но фактически не прерывающийся, несмотря на жесткость эпохи, диалог между уехавшими и оставшимися...

К чему весь этот ассоциативный ряд? К тому, что писатели-деревенщики и иже с ними — лишь «навершие», видимая, а точнее, публично предьявляемая часть того двусмысленного проекта, о котором идет речь. (Оговорю, что само по себе тяготение тех или иных советских деятелей культуры или рядовых граждан СССР к «русской теме», конечно, не означает, что все они были посвящены в зловещие планы некоей элитной группы и сознательно участвовали в претворении этих планов в жизнь).

Важно понимать, что «русская тема» гораздо шире и сложнее, чем ее видимое воплощение — все эти «деревенщики», а также «русские клубы» и «общества охраны памятников», размножившиеся уже позже, в брежневскую эпоху. «Русская тема» адресует нас не только к православию, реставрируемым иконам и фрескам, фольклору, народным традициям, деревенскому быту и пр. В ней постоянно присутствует и европейский оборот — не в последнюю очередь связанный с белоэмигрантами, изначально, в силу образования и воспитания, приобщенными к европейской культуре, а затем и обосновавшимися на Западе.

Что это за «обертоны»?

Зададимся для начала вопросом: кто придумал (и реализовал) изоэтранный схему, в соответствии с которой описанный

Юрий Владимирович Андропов

Байгушевым проект «Православная империя» оказался «двойником» проекта «Вхождение России (СССР) в Европу», — «двойником», реализующим не свои собственные цели, а цели последнего? Только ли советские выходцы из коминтерновской среды, имевшие разветвленные связи на Западе и взалкавшие капиталистического рая?

Безусловно, к этому были причастны и западные элитные группы, связанные с упомянутыми «выходцами» прочными долговременными связями. Мы уже не раз обсуждали этот «мост». «По ту сторону моста» работали очень разные группы — и такие, кто имел вполне уважаемое и абсолютно западное обличье. И такие, кто представлял от лица Запада в обличье «русско-националистическом», и потому легко наладил дружественный диалог с «русско-националистической группой» в СССР.

В русско-националистическом обличье часто выступали белоэмигранты и их потомки, публично заявлявшие о своих рваных намерениях. Такие заявления воспринимались «русской партией» как нечто естественное: естественно, когда «белый», вынужденный покинуть свою страну, потому что он потерпел поражение от «красных», мечтает о возвращении на Родину и о том, чтобы его Родина перестала быть «красной». Вспомним хотя бы Константина Мельника — того самого, который выдвинул тезис о том, что в коммунизме ничего невозможно понять (а следовательно, невозможно с ним эффективно бороться), если рассматривать его только как идеологию, в то время как он является новой религией. Мельник говорил о себе: *«Железа свержения коммунизма, я служил России»*. Иными словами, он боролся с красным проектом во имя реставрации — восстановления России в ее дореволюционном величии. Отдельный вопрос — что подразумевали, говоря о реставрации, те или иные представители белоэмигрантских кругов? Восстановление монархии? Возвращение своих утраченных владений?

Но если мы присмотримся внимательно к кругу тех, кого Мельник считал своими ближайшими соратниками по борьбе с коммунизмом (я достаточно подробно описывала этот круг в одной из статей), то обнаружим, что за рубежом «русско-националистическим фасадом», олицетворяемым Мельником, скрывается весьма своеобразная компания, как-то мало вяжущаяся с «русской темой».

Здесь и правый французский философ и социолог Раймон Арон, который выступал не одно поколение аналитиков и политиков, посвятивших свою жизнь уничтожению коммунизма и СССР (об Ароне с огромным пиететом отзывался его ученик Генри Киссинджер) ...

Здесь и правые французские политики Шарль Брюн и Мишель Дебре, приложившие немало усилий для того, чтобы французская компартия утратила заработанные в годы Второй мировой войны авторитет и влияние...

Здесь и «РЭНД-корпорейшн», на работу в котором благословил Мельника в конце 1950-х Раймон Арон...

Здесь и ватиканские круги (Мельник признает, что его идея относительно религиозной природы коммунизма вполне совпала с позицией Ватикана по этому вопросу). Конкретнее — коллеги Мельника из католического колледжа «Руссикум» (представлявшего собой, по словам Мельника, нечто *«вроде русского отделения ватиканской разведки»*). А также мэтр Виоле — адвокат Ватикана, член ордена «Опус Деи», по определению Мельника, *«один из самых мощных агентов влияния в Западной Европе»*. Мельник утверждает, что при помощи Виоле ему удалось добиться, чтобы в Хельсинкскую декларацию по безопасности и сотрудничеству в Европе было внесено понятие «права человека». Это создало юридическое основание для легализации правозащитного движения в СССР, которое сыграло впоследствии столь значительную роль в разрушении нашей страны...

Итак, по советскую сторону «моста» — формирующаяся русско-националистическая группа, одним из внешних опознавательных признаков которой является почвенничество.

А по зарубежную сторону «моста» — очень разные субъекты, в том числе, достаточно странные, кажущиеся на первый взгляд абсолютно родственными «русской партии» (и тут, и там симпатия к «белым»... и тут, и там установка на «реставрацию»... правда, с православием у «зарубежников» всё не так просто — то ли они православные, то ли уже католики) ... Но при ближайшем рассмотрении оказывающиеся чем-то, имеющим самое отдаленное отношение к «русской теме». И беспредельно враждебным к «красному» и советскому.

Вот это-то «двуглавое» образование (имевшее почвеннически ориентированную советскую и весьма причудливую зарубежную «головы») и продвигало проект «Вхождение России (СССР) в Европу».

Ну, а теперь, продолжая складывать пазл, вернемся непосредственно к Бахтину.

Мы установили, что версия В. Кожина, согласно которой прорыв Бахтина в начале 1960-х годов из небытия к вершинам известности и славы (причем не только всесоюзной, но и международной) есть результат самоотверженных усилий самого Кожина и его соратников по ИМЛИ — не соответствует действительности. Кожин преуспел в продвижении Бахтина потому, что в этом продвижении была заинтересована некая группа, в которую, в частности, входили «волшебные помощники» Кожина — «сталинисты-реакционеры» В. Ермилов и Я. Эльсберг.

Стараниями этой группы Бахтин получил не только широкую известность как автор двух интересных книг (о Достоевском и о Рабле), но и реальный статус «символа реставрации». К «символу» начали стекаться паломники со всех концов страны. Как утверждает Д. Урнов (его статью «Вадим и Бахтин» я не раз цитировала), встреч с Бахтиным искали те, кто хотел уйти во внутреннюю эмиграцию, «избавиться от марксизма». И таких было много.

Далее плотно опекаемый Ермиловым и Эльсбергом Кожин открыто и внятно сместился, к негоднованию ряда своих вчерашних соратников, на «русское» поле и начал, как это называет Урнов, «вздвигать святоотеческую хоруговь».

Итак, тесно связанный с Куусиненом Андропов активно работал с «русским проектом» как составной частью проекта «вхождения в Европу»... «Сталинисты-реакционеры» Я. Эльсберг и В. Ермилов, явно имевшие отношение к этому «русскому проекту», взяли под опеку группу молодых «романтиков-реакционеров» из ИМЛИ, и те занялись продвижением Бахтина... Один из этих романтиков-реакционеров — Кожин — стал впоследствии мотором «русского проекта»... А Андропов содействовал переезду уже раскрученного Бахтина, ставшего для романтиков-реакционеров (и не только для них) символом реставрации, в Москву...

Но пора, наконец, переходить к встрече Бахтина с Андроповым.

Анна Кудинова

КЛАССИЧЕСКАЯ ВОЙНА

К концу 1930-х годов СССР был в состоянии производить любой вид промышленной продукции, доступной тогда человечеству. В кратчайшие сроки была создана одна из мощнейших в мире экономик

Наука и обороноспособность в России. Предвоенный промышленный рывок

Мы часто удивляемся тому, что в годы разрухи и бедствий, следовавших вслед за революцией, Советское правительство находило возможности и силы развивать человека: поднимать науку и культуру, бороться за всеобщую грамотность, строить народное здравоохранение. Т.е. браться за задачи, казалось бы, второстепенные по сравнению с битвами на фронтах Гражданской войны, отражением интервенции иностранных государств, борьбой с бандитизмом. Однако это удивление быстро проходит, когда понимаешь, что большевики потому и смогли взять и удержать власть в России, что у них изначально был глубоко проработанный и выстроенный на далекой перспективу план модернизации страны.

Большевики действительно пришли к власти для того, чтобы перестроить государство и общество в соответствии со своими социальными идеалами. Многим, например, Герберту Уэллсу, назвавшему Ленина «кремлевским мечтателем», эти идеалы казались утопией. Они становились в тупик перед несовместимостью такого утопизма — с сугубым рационализмом подхода большевиков к стоящим перед ними задачам переустройства страны. Планомерность, планирование, план — были почти сакральными словами для того поколения революционных деятелей, которые начинали этот процесс.

Фундаментом этого комплексного и продуманного плана было создание новой социалистической экономики, которая должна была строиться с опорой на высшие достижения науки и техники (а их ведь надо было еще добиться!).

Совпадение стремления большевиков создать науку мирового уровня и такого же стремления прогрессивных российских ученых организовать общенациональную научную работу, крупные научно-исследовательские институты и центры — есть не случайность и не заимствование со стороны новой власти, как уверяют либеральные историки науки. Напротив, мечты российских ученых Тимирязева, Вернадского, Карпинского, Павлова, Кольцова, Ольденбурга и многих других вписались как важнейший элемент в гигантский, глобальный план переустройства страны, созданный большевиками. Поэтому и стало возможным сотрудничество ученых с новой властью, к идеологии которой они, за редким исключением, относились всего лишь лояльно.

Не разделяющих советскую идеологию, но патриотически настроенных ученых не могли не привлекать невиданные прежде задачи разработки комплексных долгосрочных научно-производственных программ общегосударственного значения, подобных плану ГОЭЛРО.

Сегодня мало говорится о содержании самого плана, запущенного в 1921 году, в лучшем случае упоминается его название. Между тем ГОЭЛРО был масштабнейшим планом даже по современным меркам. Он предусматривал строительство 30 крупных государственных районных электростанций, восстановление промышленности, начало массового производства алюминия и электроплавов. Планом также предусматривалось восстановление железнодорожного и водного транспорта, их техническая реконструкция на территории всей страны.

Постановка таких задач явственно показывала всем сомневающимся, что Советская власть реально заинтересована в восстановлении и модернизации страны. Для ученых это было мощным стимулом к сотрудничеству.

Тот же В.И. Вернадский так описал, почему он стал сотрудничать с Советской властью: «Я вернулся к большой научной работе в Союзе, считаясь с тем основным положением, что глубоко и интенсивно поставленная творческая работа является условием социальной революции, какую мне суждено пережить. Успех социального строительства — всякого — прежде всего, связан с новым научным творчеством.

Я сам идейно чужд и капиталистическому, и социалистическому строю. Чужд и национальному государству, мой идеал иной, но он дело будущего, до которого мне, конечно, не достичь. Я живу наукой.

...Эта научная творческая работа является для меня непреложным долгом, которому я подчиняю все. Она совпала с удивительным взрывом научного творчества, который мы сейчас переживаем и который повторяется в человеческом обществе только через тысячелетия.

...Я стихийно аполитичен. Я не считаю себя вправе — и не имею желания — тратить свое время и мысль на политическую борьбу и общественную работу. Я участвую в ней постольку, поскольку это — помимо моего сознания — вытекает как следствие из моей научной работы».

Еще раз повторим — Советская власть соглашалась на «стихийную аполитичность» ученых ради реализации общегосударственных задач огромного масштаба. В свою очередь, масштабность задач по развитию экономики государства «подкупила» и примирала с советской властью даже тех ученых, которые были настроены конфронтационно. Можно сказать больше — высокий идеализм большевиков заразил русских ученых. «Взрыв творчества», по выражению Вернадского, захватил два поколения научных работников, обеспечив советской науке уже в предвоенные годы результаты мирового значения, а советской промышленности — невиданный прежде рывок вперед, названный «русским чудом».

Задачи индустриализации страны были поставлены практически сразу после революции. Еще в 1918 году в статье «Очередные задачи Советской власти» В.И. Ленин определил основные направления строительства социалистической экономики. В 1921 году Ленин писал: «Либо гибель всех политических завоеваний Советской власти, либо подведение под них экономического фундамента». Он считал важнейшим условием построения социализма превращение СССР в могучую индустриальную державу.

Нет никакого сомнения, что план индустриализации, предложенный Сталиным в конце 20-х — начале 30-х годов, полностью следовал задаче, поставленной Лениным. Да и знаменитая фраза: «Мы отстали на 50–100 лет от передовых стран. Мы должны преодолеть этот разрыв за десять лет. Иначе нас сожмут», — по смыслу идентична ленинским словам.

Уже в 1928 году производство стали, угля, цемента, разного рода станков достигло или даже превзошло довоенный уровень. Но этого было явно недостаточно. Время поджимало — в воздухе витало предощущение новой мировой войны, в качестве главной жертвы которой намечалось первое в мире социалистическое государство. Срочно требовалось решить ряд крупных народнохозяйственных проблем, в первую очередь, в военно-промышленном комплексе. Лишь индустриализация могла дать СССР современную армию и военно-промышленный комплекс, необходимые для защиты своей независимости от самых передовых империалистических держав.

Причем совершить индустриализацию было нужно, используя исключительно внутренние резервы, — капиталистические страны ни за что не передали бы своим классовым врагам современные технологии, производственные и организационные схемы, научные и инженерные кадры. Да, Советскому Союзу сколько-то помогло то, что в США и Европе именно в это время наступил промышленный кризис и ряд крупных западных компаний был вынужден торговать с большевиками, чтобы не потерять доходы. Да, в СССР потянулись западные инженеры и специалисты, чтобы на месте руководить возведением купленных заводов и цехов.

Но это не было определяющим, как теперь любят представлять дело либеральные журналисты и историки. Определяющим было гигантское напряжение народа и партии.

Чтобы добиться ускоренного движения к индустриализации, страна перешла на военное положение.

Этим в большой степени объяснялись все имевшие место идеологические и политические перекося, борьба с вредительством, репрессии. Но и не только. Потому что и вредительство, и бюрократизм, и техническая безграмотность, приводившая к поломке дорогостоящих станков, остановке работы цехов и целых производств, — всё это было.

Партии приходилось железной рукой укреплять дисциплину, карать лентяев, бездельников и тунеядцев наравне с врагами и вредителями, требовать сверхвысокого напряжения сил от народа. И одновременно бороться со сторонниками «мягкой линии» в собственных рядах. Здесь не место описывать перипетии внутривластной борьбы 30-х годов, но в итоге цель была достигнута — партия стала единой монолитной организацией, направлявшей страну к поставленной цели.

Неузнаваемо изменилось всё общество. Индустриализация сопровождалась невиданными социальными переменами, подвижками огромных масс людей. Миллионы безграмотных крестьян были вырваны из средневековья, пополнили собой рабочий класс, приобщились к современной технике. С 1928 по 1932-й, за четыре года, 12,5 миллионов человек нашли новую работу и переместились в города, 8,5 миллионов среди них составляли бывшие крестьяне.

В 1928 году СССР посетил доктор Эмиль Джозеф Диллон, проживший в царской России почти 20 лет, преподававший в нескольких российских университетах и уехавший после революции. Он был потрясен увиденным:

«Повсеместно люди думают, работают, объединяются, делают научные открытия и технические изобретения... Это ни с чем несравнимо; всё это близко не похоже ни с чем, когда-либо виденным, но разнообразно, интенсивности, упорству в достижении цели. Революционное стремление убирает колоссальные преграды и объединяет разного рода элементы в один великий народ... Большевики выполнили многое из того, что они наметили, и больше, чем это выглядело достижимым для любой человеческой организации в тех неблагоприятных условиях, в которых им приходилось работать. Они мобилизовали более 150 миллионов апатичных, полумертвых человеческих существ и вдохнули в них дух нового».

Иностранец очень точно подметил то, что составляло секрет «русского чуда» — зажженный большевиками дух народа вместе

Федор Разин. Строить Магнитку (фрагмент)(1978)

со строгим рационализмом и всеобъемлющей плановостью строительства.

Главной целью индустриализации было обеспечение экономической самостоятельности СССР, превращение его из страны, ввозящей оборудование и машины, в страну, производящую их. В практическом отношении это означало интенсификацию производства, новое, более рациональное размещение производительных сил, продвижение промышленного строительства на восток страны, создание предприятий-дублеров и государственных резервов.

Это потребовало от ученых интенсивного изучения потребностей строительства современной индустрии и обороноспособности страны, обеспечения экономики всеми видами минерального сырья.

Поэтому большой размах получили геологоразведочные работы. Геологически изученная территория СССР увеличилась с 1918 по 1937 г. в 3,5 раза. С 1917 года до начала Великой Отечественной войны только Академия наук организовала более 500 научных экспедиций. Было обнаружено около 75 тысяч месторождений минеральных видов полезных ископаемых. В промышленных запасах была открыта почти вся таблица химических элементов Менделеева

По подсчетам А.Е. Ферсмана, в СССР в 1939 году добывалось уже 80 химических элементов, тогда как для производства танков были необходимы материалы, в состав которых входило до 30 элементов менделеевской таблицы, для строительства боевых самолетов — до 46 элементов.

СССР вышел на первое место в мире по разведанным запасам нефти (между Волгой и Уралом), марганца, апатитов, калийных солей, торфа, гидроэнергии, на второе — по запасам угля (в Подмосковном и Кузнецком бассейнах). На долю СССР приходилось более половины запасов железной руды и нефти, 1/5 мировых запасов угля, более 4/5 запасов калийных солей.

Расширение собственной минерально-сырьевой базы позволило резко сократить и даже вовсе прекратить импорт ряда важных видов сырья.

Следующими задачами отечественной науки было создание военной техники, конструирование новых типов самолетов, танков, артиллерии, морских судов и двигателей к ним, организация единой энергетической системы, внедрение в металлургическую промышленность качественных и жаропрочных сталей, создание новых видов моторного топлива для новых образцов военной техники.

И эти задачи были в основном решены благодаря советским ученым: С.Ф. Ольденбургу, Н.И. Вавилову, Н.К. Кольцову, А.Ф. Иоффе, И.В. Курчатову, Н.Н. Семенову, И.Е. Тамму, П.А. Капице, Я.Б. Зельдовичу, Ю.Б. Харитону и другим.

Перед войной расцвели и школы конструкторов оружия: Арт.И. Микояна, П.О. Сухова, С.А. Лавочкина, В.М. Мясищев, И.И. Иванова, М.Т. Калашникова, Ж.Я. Котина, В.Г. Грабина, Н.Н. Поликарпова, С.А. Лавочкина, А.Н. Туполева, С.П. Королева, М.И. Кошкина, В.А. Дегтярева, Ф.В. Токарева, Г.С. Шпагина и многих других.

Трудом и талантом советских ученых и конструкторов было выковано оружие Победы.

К концу 1930-х годов СССР был в состоянии производить любой вид промышленной продукции, доступной тогда человечеству. В кратчайшие сроки была создана одна из мощнейших в мире экономик. Великая Отечественная война показала, что эта мощь превосходит промышленный потенциал Германии и всей Европы. «Магнитка победила Рур!». Советский народ победил фашизм.

О науке в годы войны — в следующей статье.

Юрий Бардахчиев

НАША ВОЙНА

Общество должно освободить этих «личностей» от чувства вины, чтобы они могли дальше самореализовываться

Человечина под соусом аполитичности — 5, или Освобождение от «химеры совести»

Рассмотрим подробнее список признаков самоактуализирующейся личности, по Маслоу. И попробуем понять, что же получается, если сложить все эти признаки вместе.

Первый признак — «более адекватное восприятие реальности». Сразу возникает вопрос: более адекватное в сравнении с чем? Или с кем? По логике вещей получается, что самоактуализирующаяся личность должна быть «более адекватна», чем остальные 99% процентов населения, которые, по Маслоу, не доросли до самоактуализации. То есть эта самоактуализирующаяся личность, по Маслоу, живет и действует в мире, который все окружающие видят по-другому, причем считает именно свое восприятие «более адекватным». Ну... Характерно, что Маслоу, который считал себя большим ученым, не дает никаких конкретных описаний, которые позволили бы экспериментально проверить его предположения. Поэтому можно думать что угодно. В принципе, каждый человек (независимо от степени самоактуализации) имеет право считать, что именно его восприятие реальности — наиболее адекватное. И действовать исходя из этого. Весь вопрос — в эффективности его действий. Если судить по этому признаку, то образец самоактуализирующейся личности — это герой известного стихотворения С. Я. Маршака «Вот какой рассеянный» (который, надо признать, под конец осознал, что его «более адекватное восприятие реальности» все же как-то не того... не позволяет ему действовать эффективно):

*Побежал он на перрон,
Влез в отцепленный вагон,
Внес узлы и чемоданы,
Рассовал их под диваны,
Сел в углу перед окном
И заснул спокойным сном.*

*«Это что за полустанок?» —
Закричал он спозаранок.
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».*

*Он опять вспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Почесался и сказал:*

*«Это что за остановка —
Бологое или Поповка?»
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».*

*Он опять вспал немножко
И опять взглянул в окошко,
Увидал большой вокзал,
Потянулся и сказал:*

*«Что за станция такая —
Дибунь или Ямская?»
А с платформы говорят:
«Это город Ленинград».*

*Закричал он: «Что за шутки!
Еду я вторые сутки,
А приехал я назад,
А приехал в Ленинград!»*

*Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!*

Чем не самоактуализирующаяся личность? Как мы увидим дальше, многие другие признаки также подходят этому герою.

Второй признак — «принятие себя, других и природы». Хочется спросить: а где общество? Его не принимают? Или оно зашифровано в слове «других»? Читая Маслоу, понимаешь, что нет, не зашифровано: общество, по Маслоу, — это главный враг человека, любого, не только самоактуализирующегося. Более того, именно общество мешает «личностям» самоактуализироваться — путем препятствования удовлетворению их потребностей. Именно общество делает человека перманентно «большим» — то есть не способным к самоактуализации. Следовательно, этот второй признак должен звучать так: «принятие себя, других и природы, но непринятие общества». Соответственно, можно сказать, что второй признак — просто дополнение к первому, его усиление: я не только адекватнее других воспринимаю реальность, но и радостно принимаю это восприятие, то есть сам с собою соглашаюсь. «Я молодец, и люблю себя за это».

Третий признак — «непосредственность, простота и естественность». Ну что тут скажешь? Совсем маленькие дети тоже вполне себе непосредственны и естественны. И что? Их тоже можно отнести к самоактуализирующимся личностям? И как это соотносится с разным «простота хуже воровства»?

Четвертый признак — «центрированность на проблеме (т.е. поглощенность деятельностью)». Ну что же, это неплохо. Даже хорошо. Но ведь и Рассеянный с улицы Бассейной тоже, наверное, был на чем-то центрирован — в результате чего и был рассеянным. То есть вопрос в том, на чем именно человек «центрирован». Можно ли считать самоактуализирующейся личностью грабителя, поглощенного задачей очередного ограбления какого-нибудь ювелира? Является ли самоактуализирующейся личностью, например, А. Чубайс, без сомнения, постоянно центрированный на проблеме разграбления России в пользу своих иностранных хозяев? Вы скажете, что Маслоу подразумевал что-нибудь «хорошее». Может быть, может быть... однако об этом он ничего не писал.

Пятый признак — «независимость, которая проявляется, в том числе, в потребности в уединении». Тут необходимо небольшое пояснение. Что касается «потребности в уединении», то она, конечно, иногда возникает у всех, и поэтому считать ее «признаком» каких особенных «личностей», мягко говоря, неверно. Это все равно, что сказать, что признаком детенышей человека в отличие от детенышей, например, бегемота является относительно большой размер головного отростка. Однако голова у детенышей всех млекопитающих относительно большая, поэтому что человек, что гиппопотам... А вот под «независимостью» Маслоу имеет в виду нечто совершенно конкретное и специфическое. Что именно? А вот: «Отстраненность (которая результат «независимости» — Авт.) самоактуализированного человека может стать причиной затруднений в его общении с обычными, «нормальными» людьми, которые склонны интерпретировать его отстраненность как холодность, снобизм, недружелюбие или даже враждебность. Это понятно, особенно если вспомнить, что расхожее представление о дружбе предполагает

в ней некую взаимозависимость, отношения, обеспечивающие человеку поддержку, сочувствие, одобрение, участие, тепло. Если понимать дружбу именно так, то, пожалуй, можно сказать, что самоактуализированный человек не нуждается в друзьях (здесь и далее выделено нами — Авт.). В нашей культуре залогом дружбы является потребность партнеров друг в друге, и очевидно, что средний человек вряд ли пожелает иметь другом самоактуализированного человека, — ведь тот никогда не положит на алтарь дружбы свою независимость, никогда не пожертвует ради друга своей автономностью». То есть «независимость» самоактуализирующейся личности, по Маслоу, — это независимость от людей, причем как в общем смысле, так и от конкретных особей, которые по ошибке могут считать себя друзьями «самоактуализированных». Отличное качество, если вдуматься! И что-то такое это начинает напоминать, не находите? Какое-то ассоциации возникают... странные... Геббельс вспоминается... Ладно, едем дальше.

Шестой признак — «автономия, т.е. относительная независимость от культуры и окружения». Здесь, если по-простому, имеется в виду то, что самоактуализированные личности, являясь совершенно очевидно людьми высшего сорта, стоят во всех смыслах над другими людьми, не нуждаясь ни в их помощи, ни в их одобрении. «Личности» свысока и пренебрежительно-снисходительно относятся к нуждам и интересам «среднестатистического» человека, потому что движимы исключительно высшими потребностями самоактуализации, находящимися строго внутри них. «Люди, не достигшие уровня самоактуализации, движимые потребностями дефицитных уровней (то есть которые не доросли до самоактуализации и движимы «низшими» потребностями, см. «пирамиду»), нуждаются в других людях, поскольку только от других людей они могут получить столь необходимые им любовь, безопасность и уважение. Совсем другое дело — самоактуализированные индивидуумы. Для того чтобы испытать истинное счастье, им не нужны другие люди; напротив, другие могут даже мешать им, могут стать препятствием на пути развития». (Тут необходимо сделать паузу. И затем — глубокий вдох — потому что оказывается, что... — Авт.) Однако ... мы ни на секунду не должны забывать о том, что самая верная ... дорога, ведущая к такому рода автономности, к свободе от любви и уважения, — это полное удовлетворение потребностей в любви и уважении». Правда, здорово?! То есть «личности» никого не уважают и ни в ком не нуждаются, другие люди им только мешают. Но их должны любить и уважать — единственная дорога, сами понимаете...

Наши «нехорошие» подозрения на этом месте начинают усиливаться... Ведь что получается? Самоактуализированные никак от общества не зависимы, так сказать, ничего ему не должны, но им зато все должны — уважение, даже любовь... А потом — читаем внимательно:

«В какой степени я смогу наслаждаться вкусным обедом в бедной стране, где голодающие дети заглядывают мне в тарелку? Должен ли я тоже голодать? На эти вопросы не может быть точного, определенно, теоретического, априорного ответа.

...Самоактуализация не может не быть эгоистичной... Может быть, принцип разделения труда (увязанный с принципом индивидуальности конституции каждой личности) может привести нас к наилучшему ответу... Подобно тому, как одни религиозные ордены ориентировались на «эгоистичную самоактуализацию», а другие — на самоактуализацию в несении людям добра, так и общество может просить (читай — должно просить!) определенных людей «в порядке одолжения» (тем самым освободив их от чувства вины) стать на путь эгоистичной самоактуализации, стать чистыми созерцателями. Общество может (да должно, чего уж там) решить, что таких людей стоит поддерживать, потому что они являются собой хороший пример и вдохновляют других людей, демонстрируя возможность существования чистого, неземного созерцания. Мы же поддерживаем наших великих ученых, художников, писателей и философов. Мы освобождаем их от общественных обязанностей не только по «высоким» соображениям (каким это?), но и из расчета, что это принесет нам хорошие дивиденды».

Всё понятно? То есть общество (мы с вами, читатель) должно освободить этих «личностей» от чувства вины, чтобы они могли дальше самореализовываться, побуждаемые своими индивидуалистическими, но по определению высшими внутренними интересами, которые ведут их... к чистому созерцанию. И при этом еще почему-то рассчитывать на дивиденды. Не этого ли, кстати, хотя и наши ученые, с попытки понять позицию которых, собственно, и было начато это исследование? Что нам говорят ученые? «Мы принципиально вне политики!» Что это значит? Что им глобоко безразлично, что вокруг происходит, глободают ли дети или нет, разваливают ли страну или нет и т.п., — им вынь да положь возможность заниматься «чистой» (то есть никак не связанной с потребностями общества) наукой. А плюс к этой возможности — дай еще и чувство глубокого самоудовлетворения, для чего нужно освобождение от чувства вины. А почему? А потому! Потому что есть «личности», а есть «среднестатистические люди», не чета «личностям». Потому что «личности» имеют право на освобождение от общественных обязанностей и чистое неземное (!) созерцание. А «среднестатистические люди» им должны всё обеспечить, чтобы они ни в чем не нуждались, ни о чем не беспокоились...

Вроде всё правильно. Да, у одних людей есть способности («индивидуальная конституция личности», по Маслоу) к науке «чистому неземному созерцанию», а у других нет, и эти другие должны... Вот есть у человека «индивидуальная конституция» к теоретической физике, или к синтезу органических соединений — почему он должен отвлекаться на политику? Пусть и теоретизирует (синтезирует) в спокойной обстановке, а мы (общество) еще, глядишь, и «дивиденды» с этого получим — ну там пойдем, наконец, Вселенная расширится с ускорением или с замедлением... это ж важно (а мы, несмотря на нашу «среднестатистичность», не лишены «высоких» мотивов, вот)! Или, может, большие транснациональные фирмы (наши-то не смогут, у них ни денег, ни оборудования нет, да и «настоящих» ученых им не нанять) лекарство какое-нибудь сделают на основе того синтеза, будут

НАША ВОЙНА

нам продавать... В общем, пользу вполне могут принести, если подумать... ну не нам, так потомкам. Что ж, нам жалко ради этой пользы освободить этих ученых от чувства вины за то, что происходит вокруг них? За то, что они работают на потенциального противника своей страны? За то, что они увеличивают вероятность выживания богатых за счет отбирания жизни бедных? Подумаешь — не эти, так другие! И что, мы не можем позволить этим замечательным людям, интеллектуальной элите страны и человечества не отвлекаться на разную грязную политику, разбираться с тем, кому что выгодно и на кого они работают? Конечно, можем и даже должны, если вдуматься (и много читать Маслоу на ночь). Пусть ученые занимаются чистой наукой, ни о чем не волнуются, не переживают (они же самореализуются!), мы (общество) их от всего остального освободим. От забот освободим, от политики, от чувства вины обязательно освободим... то есть от совести. Постояйте, а вот это вот кто говорил: «Я освобождаю вас от древней химеры, именуемой совестью»? Ах, Гитлер с Геббельсом?! Вот оно что... То-то всё время казалось, что что-то знакомое...

Кто-то сейчас скажет, что мы передегериваем, что желание ученых быть «вне политики» и спокойно заниматься «чистой» наукой не имеет ничего общего с фашизмом... Что ученые — люди первого сорта и вполне естественно, что люди второго, третьего и т.д. сортов должны обеспечить им условия для работы... Ну хорошо, давайте посмотрим дальше.

Седьмой признак — «свежесть восприятия окружающих явлений». Это описывается очень... восторженно. «Самореализованные люди (не забываем — это «признак», то есть остальным людям он не должен быть присущ — Авт.) обладают удивительной способностью радоваться жизни. Их восприятие свежо и ново. Они не устают удивляться, поражаться, испытывать восторг и трепет перед многочисленными и разнообразными проявлениями жизни, к которым обычный человек давно привык, которых он даже не замечает. Для такого человека закат солнца, пусть даже он видит его в сотый раз, будет так же прекрасен, как и в тот день, когда он увидел его впервые...» А обычным людям, конечно же, свойственно прямо обратное: «Я все более и более укрепляюсь во мнении, что неспособность радоваться жизни — один из главных источников зла, человеческих трагедий и страданий». Тут даже и спорить не о чем. Конечно, хорошо уметь радоваться жизни. Разве что... это (среднестатистическим людям) не всегда удается почему-то.

Представим себе такую ситуацию. Живут в каком-нибудь 1942 г. два немца рядом с концлагерем. И один из них всё время страдает: неприятно ему, что его соотечественники развязали мировую войну, льют кровь реками, устроили концлагерь, мучают людей... ему стыдно, страшно... и он совершенно не в состоянии радоваться жизни. И не может ни на чем сосредоточиться, всё время злой, мрачный, всё его раздражает... И все думает — то ли самому застрелиться, то ли застрелить кого-нибудь. А другой всё время находит возможность радоваться жизни: вот, например, бабочка красивая, восход прекраснейший, закат опять же... Он воспринимает всё свежо и ново: дымящиеся трубы крематория концлагеря на фоне заходящего солнца — как это необычно, как захватывающе красиво! А гудки ритмично приходящих товарных поездов с людьми как музыкально перекликаются! И у него постоянно прекрасное настроение, он всем доволен, как яблочко румян... «Не то чтоб очень пьян — А весел бесконечно». Внимание, вопрос: кто из этих двух граждан более матери-истории ценен самореализовался? Ладно, можете не отвечать: вопрос был риторический.

Но все-таки вопрос есть. Он состоит в том, каким образом из такого количества красивых слов и благопожеланий (развитие человека, потребность в самореализации, гуманистическая психология и т.п.) всё время получается что-то странное, сомнительное, очевидно не благое, а если присмотреться — так и вовсе вредное и опасное? Как так выходит, что явно желая научить людей быть более продвинутыми и более счастливыми, Маслоу в результате превращается в гуру эффективной эксплуатации как минимум, а как максимум — в идеолога либерал-фашизма от психологии?

Вот, например, идея самоактуализации. Что в ней плохого, кроме хорошего? Это же здорово — человек актуализирует себя, свой потенциал, свои возможности, развивается...

Термин «самоактуализация» подобен хамелеону или античному божеству Протею, по желанию принимающего любой облик. Маслоу сам пишет в своей последней книге «На подступах к психологии бытия»: «Я обнаружил, что ... понятие самоактуализации оказалось очень похожим на чернильные пятна Роршаха («пятна Роршаха» — психологический тест, в котором испытуемому предъявляют ничего не значащие бесформенные симметричные красочные пятна и спрашивают, что он видит на картинке — Авт.). Чаще всего употребление этого понятия больше говорило мне о человеке, который им пользуется, чем о самой реальности, стоящей за этим понятием».

Маслоу поражен: почему так, ведь он всё так ясно и непротиворечиво изложил! И откуда столько критики? И где эти критики только вычитали, — поражается Маслоу — всё то, что они критикуют? Самоактуализация, по их мнению, «а) подразумевает скорее эгоизм, чем альтруизм; б) нивелирует аспект долга и самоотверженности в решении жизненных задач; в) не принимает во внимание связь с другими людьми и обществом, а также зависимость осуществления личности от «справедливой устройства общества»; г) не принимает во внимание привлекательность нечеловеческой реальности и присущее ей свойство вызывать к себе завораживающий интерес; д) не принимает во внимание способность подняться над личными интересами...» В чем причина такого массового «недопонимания» критиками гениальных гуманистических прозрений Маслоу?

Чтобы ответить на этот вопрос, представим работы Маслоу как единый гипертекст, в котором одновременно и равноправно размещаются пять вариантов противоречащих друг другу теорий мотивации, три теории самоактуализации и многочисленные декларации о революционном значении этих теорий для судеб человечества, подобных следующему: «Эта психология имеет шансы превратиться в философию жизни, в заменитель религии, систему ценностей и программу жизни...».

Этот гипертекст будет напоминать лоскутное одеяло, шитое белыми нитками, в котором бесполезно искать какой-либо логики и регулярности. То самореализация — удел избранных и профессиональных творцов, то она же — общечеловеческая базовая (инстинктивно укорененная) потребность, удовлетворение которой доступно простой домохозяйке: «... я понял, что в отлично приготовленном супе больше творчества, чем в посредственно нарисованной картине, и что, в принципе, приготовление пищи, воспитание детей или поддержание порядка в квартире могут быть творчеством, в то время как поэзия — отнюдь не обязательно; она может ничего не создавать», — делает очередное «открытие» Маслоу.

То молодежь принципиально не способна к самоактуализации по причине юношеского максимализма и стремления к совершенству, что не позволяет ей принять мир и людей такими, какие они есть (хотя с этим прекрасно справляются продвинутые самореализаторы, маниакально сконцентрированные на своем призвании). То самоактуализироваться молодежи мешает слишком большая сконцентрированность на общественных проблемах и интересах, а это, как мы помним, вредит самоактуализации. То, наконец, молодежь не может самоактуализироваться потому, что у нее в силу возраста еще не удовлетворены «низшие» потребности (в любви, уважении, безопасности и пр.), а без их удовлетворения и ни туды, и ни сюды.

То потребности выстраиваются в жесткую иерархию, когда заниматься удовлетворением высшей потребности можно лишь после удовлетворения предшествующей, то они располагаются свободно, как на шведском столе, где каждый ест, что хочет.

Изначально у Маслоу самореализация венчала пирамиду потребностей, и достижение самореализации постулировалось как высшая ценность, которая и есть психическое здоровье, смысл жизни и кайф в одном флаконе. Но Маслоу начинают критиковать со всех сторон, и многочисленные жалобы разных специалистов (психологов, философов,

антропологов) на сильнейшее амбре эгоизма и «сверхчеловеческости», исходящее от этой конструкции, очевидно, угрожают подорвать репутацию Маслоу как главного идеолога «гуманистической психологии» — с эгоизмом на вершине конструкции роль пророка гуманистической психологии не выглядит убедительной. И тогда в «пирамиде» над самореализацией тут же возводится мансарда декларативных и бессмысленных «метапотребностей», назначение которых в том, что они социально одобряемые (типа правда, добро, красота, всё хорошее против всего плохого). Однако социальное, по Маслоу, есть зло, и совершенно становится непонятно, каким образом социальные ценности могут возвышаться над самореализацией. И тогда провозглашается, что это ценности, но они «функционалируют как потребности» — и принимай, как знаешь.

Спрашивается, к чему ведут все эти метания Маслоу, включая 8 теорий, пирамиду с надстройкой, 15 признаков и пр.? И почему его теории придается такое значение? Особенно в нашей стране? Кстати, читателям будет небезынтересно узнать, что когда мы учились психологии (в середине 70-х), о Маслоу у нас не было ни слуху ни духу (Маслоу умер в 1970 году, в 1971-м, уже посмертно, вышла его последняя книга). И совсем не по причине того, что «злые» советские психологи, дескать, «зажимали» информацию о выдающихся западных коллегам — большинство западных теорий нам прямо преподавали, о многих упоминали... А о Маслоу можно было узнать только косвенно — по ссылкам и кратким упоминаниям в книгах других западных авторов. Так вот, в советское время о Маслоу не говорили, его не издавали и «выдающимся» не признавали, даже подпольно. А как только началась перестройка — на тебе, вдруг у нас, как чертик из табакерки, появился новый «столп мировой психологии», основоположник гуманистической психологии А. Маслоу... Его начали форсировано переводить, массово издавать, преподавать во всех возможных учебных заведениях (вплоть до средней школы) и в различных курсах (от бизнес-администрирования до философии). Почему именно в перестройку и постсоветскую эпоху Маслоу оказался так востребован? Или — сформулируем вопрос по-другому — зачем для перестройки так был нужен Маслоу? Не потому ли, что он является не столько «выдающимся психологом», сколько выдающимся идеологом? Причем исключительно полезным именно для тех, кто делал перестройку в России?

Уф... Сделаем перерыв в изучении признаков самореализующей личности. Тем более что наше исследование порождает больше вопросов, чем дает ответов. Давайте посмотрим на проблему с другой стороны: а откуда Маслоу взял всех этих «самореализующихся личностей»? Откуда именно такая идея?

Вот как об этом рассказывает сам Маслоу:

«Мое изучение самоактуализации не было запланировано как научное исследование... Всё началось с попытки молодого интеллектуала понять двух своих учителей, которыми он восхищался, которых он любил и обожал и которые были совершенно прекрасными людьми. Я не мог просто довольствоваться преклонением и пытался понять, почему эти два человека, Рут Бенедикт и Макс Вертгеймер, так отличались от большинства людей на свете. Мои занятия психологией не давали мне ровным счетом ничего для того, чтобы понять их. Было такое впечатление, что они не только отличаются от других людей, но что они — нечто большее, чем люди... в один прекрасный миг я понял, что эти два образа можно обобщить, что я имею дело с определенным типом людей...»

По обычным стандартам строго контролируемого лабораторного исследования моя работа не была исследованием вообще. Я делал свои обобщения на основе выбранного мной самим определенным типом людей...»

Оставим без комментариев (хотя очень хочется) признание Маслоу относительно того, что его обобщения, по существу, не научны, потому что не опираются ни на какие исследования, а токмо на его собственные восприятия, которые наверняка были свежими и наивными (см. выше 7-й признак самоактуализирующейся личности). Познакомимся

поближе с людьми, которые послужили толчком к созданию теории самоактуализации — может, что-нибудь и прояснится.

Рут Бенедикт (1987–1948) считается одним из основоположников культурной антропологии. В 1934 г. вышла ее книга «Паттерны культуры» (в России название переведено как «Модели культуры», хотя «patterns» правильнее было бы перевести как «шаблоны» или «образцы»). Книга имела бешеный успех. Она переведена на многие языки (не менее 14); общий тираж ее достиг двух миллионов экземпляров. Такими тиражами в Америке издавались только справочники и работы классиков. К. Гирд так определяет ее стиль: «Каким бы ни было ее сочинение, оно цельное: одна и та же вещь сказана и повторена столько раз, что она кажется такой же неопровержимой, как законы движения...»

Почему книга Бенедикт вызвала такой интерес, сейчас сказать трудно. Скорее всего, причина в том, что Бенедикт открыла для американского общества новый (и при этом для всех приемлемый) способ отношения к различным культурам, а также к выходцам из различных культур.

Конкретно, своей книгой Рут Бенедикт, по сути, провозгласила принцип культурного релятивизма. Как пишет С. П. Лурье, «Бенедикт представляла наиболее крайнюю степень культурного релятивизма, которая вообще когда-либо проявлялась в психологической антропологии». Проще говоря, Бенедикт «научно» показала, что все культуры различны, но все они имеют право на существование. Все культуры различны, а это значит, что в них различно некое культурное ядро, или «этос культуры», как называла его Бенедикт. Собственно, «паттерн» конкретной культуры — это уникальная конфигурация внутрикультурных элементов вокруг уникального же этоса культуры. Каждая культура — в соответствии с этим паттерном — формирует «нормальный» (именно для этой культуры) тип личности, а все остальные — «аномальные» — подавляет. При этом «нормальный» для одной культуры тип личности может быть «аномальным» в другой культуре и наоборот. При этом культуры, в свою очередь, характеризуются наиболее распространенными в каждой культуре психологическими типами личности, «нормальными» для этой культуры. «Каждое человеческое общество, — писала Рут Бенедикт, — когда-то совершило такой отбор своих культурных установлений. Каждая культура с точки зрения других игнорирует фундаментальное и разрабатывает несущественное. Одна культура с трудом постигает ценность денег, для другой — они основа каждодневного поведения. В одном обществе технология невероятно слаба даже в жизненно важных сферах, в другом, столь же примитивном, технологические достижения сложны и тонко рассчитаны на конкретные ситуации. Одно строит огромную культурную суперструктуру юности, другое — смерти, третье — загробной жизни».

Характерно, что Рут Бенедикт не особенно интересовали ни генезис конкретных культур, ни генезис личности в культуре (хотя она считала, что личность — это буквально «слепок» культуры, что она почти не может сопротивляться формирующему влиянию культуры), ни механизмы передачи культуры или этоса культуры отдельной личности. Главный пафос ее исследований был в другом — именно в релятивизме и доказательстве того, что неприемлемое в одной культуре или культурной ситуации может быть вполне «нормальным» в другой культурной ситуации. Сегодня, спустя восемь десятилетий после выхода первых работ Бенедикт, можно сказать, что ее истинным вкладом в науку был именно этот вышеописанный пафос, что же касается собственно науки... в собственно научном плане ее работы интереса не представляют по многим разным причинам, в том числе потому, что Бенедикт уж очень хотелось доказать относительность культурных норм, и она часто «подгоняла» свои наблюдения под эту задачу.

Почему же эта задача была так важна для Рут Бенедикт? Об этом — в следующей статье.

Юлия Крижанская,
Андрей Сверчков

ВОЙНА ИДЕЙ

Пора пройти по Белокаменной с настоящим «Маршем толерантности», господа!
Воры имеют право красть, без страха быть осужденными! Взятчники — брать взятки!
Хватить жить украдкой! Раствление малолетних должно стать, наконец, нормой!

«Долой УК!», или Если пьянку нельзя предотвратить, ее следует возглавить

После написания трех статей о толерантности уже не думала возвращаться к этой теме. Ведь вроде всё понятно, чего именно от нас требуют. Чтоб мы не воспринимали чуждое нам как чужое и враждебное (это на вывеске так), то есть относились к нему спокойно-благожелательно. В принципе, предложение приемлемое, понятное для жителей России, веками существующих в довольно пестрой семье этносов и народностей, где у каждого свое культурное лицо. Особенно для русских, веками же стягивавших эти этносы и народности в единый имперский народ. Ну, не было с этим у русских особо проблем («Другие? Очень интересно!»). Можно без преувеличения сказать, что тут накоплен огромный опыт бесконфликтного в целом сосуществования «разных». И если бы мир хотел понять, как это делается, он бы стал изучать именно опыт России, а не экспериментировать с мультикультуральностью.

Но нет! К мультикультуральности выдмана еще пугающая абстракция, названная толерантностью, и всех насильственно в нее гонят. Во что именно — мы уже разбирали. В безоговорочное принятие того, что было веками запрещено культурой и традицией. При чем именно директивно гонят. И именно в то, что ранее считалось грехом, преступлением перед нравственностью. То есть осуществляется жесткая ломка укорененных представлений о добре и зле и размывание имеющихся идентичностей во имя некоей «общечеловеческой» идентичности (на поверку более напоминающую зверину). Ну что такое снятие запрета на инцест, о котором всюду уже говорят? Да и навязывание гомосексуализма как предпочтительной формы отношений? И псевдонаучная теория «гендера», тут же перешедшая в обязательную для европейских стран практику?

Так вот. Знакомая всё подробнее с теорией и практикой новой «священной коровы» — толерантности, ужаснувшись нашему положению дел, мне захотелось уже не порасуждать, а буквально возопить. Потому что я увидела серьезные недоработки авторов идеи. А также слишком поверхностное понимание ее гражданами. И — воплю. (Не-не, я не шучу! То есть и шучу, конечно, тоже, но, поверьте, через слезы).

Господа! Вы заметили, насколько мы отстали от жизни?

Ну, то есть вы, конечно, заметили, как тут не заметить! Нас ведь всё учат и учат приезжие с Запада, и мы как раз всё больше и больше замечаем в себе гадких черт, совершенно несоместимых с жизнью в цивилизованных странах. Замечаем, томимся стыдом... Исправляемся, кстати. Но — как? Как исправляемся? В час ведь по чайной ложке! Нас тычут и тычут в несовершенство наших законов, в пагубность привычек — а мы?... Мы что на это отвечаем? Мы — я про общество в целом, вы не подумайте — в продвинутой своей части (более близкой к западной по ментальности) негодуем и стремимся туда, в цивилизацию, в дикой же (части общества) — проявляем мракобесие. Не спорьте, именно мракобесие. И вы сами (которые более дикие) об этом знаете! И даже почти готовы согласиться вслух. Ну вот чуточку еще поупираетесь — и будете полностью готовы! А в глубине-то души уже и сейчас, поди?

И то сказать! Невозможное это дело — видеть, как мир широкой поступью прет в светлое посткапиталистическое будущее с его трансгуманизмом, его трансвеститами, его трансгендером, и не впасть форменно в транс. Не задуматься в транс, а к чему все эти упирания рогом (это я про здешних диких — с продвинутыми так вообще вопроса нет)? Если паровоз, а точнее, «Сапсан» современности мчит по скоростной трассе и остановка только в Бологом, и то на две минуты — скинуть этих диких провинциалов-бологовцев — то черта ли держаться за старое? Незачем, ответит вам любой здравомыслящий

человек! Ответит и поспешит на станцию. Подсаживаться в быстро уходящий состав. И он будет прав. Потому что зачем ему «Бологое»? Если этот здравомыслящий человек не вполне маргинал? И особенно, если вполне НЕ маргинал? Мы этот процесс всакивания на подножку уже наблюдаем. Так сказать, онлайн. Он пошел, господа и товарищи!

И он очень напоминает, не побоюсь сравнения, то, что было метафорически описано Эженом Ионеско в пьесе «Носороги». А именно — процесс превращения людей в носорогов. Постепенный переход смотрящих на повальное «оносороживание» горожан из состояния ужаса и отвращения — к приятию и восторгу («Ах, какая у них замечательная толстая кожа! И какие они энергичные!»). С дальнейшим, естественно, вырастанием рога. Ионеско дал жуткую аллегорическую картину фашизации европейского человека.

Но приглядитесь, почитайте сегодняшние стенограммы разных мероприятий: конференций, форумов и мелких семинаров, где идет перековка социальных и прочих государственных работников. Вы убедитесь, что процесс смены человеческой идентичности (назовем это так) — пошел.

Эти люди еще вчера трудились на своем поприще, хоть бы вот в опеке или соцобеспечении, помогали неимущим. Большинство очень даже по-человечески этим занималось, с душой и по многу лет. Сейчас они в растерянности. Слушают заезжих финнов и американцев, примериваются к новым веяниям.

Очевидно, что когда мы боремся с ювенальными случаями, то практически всегда сталкиваемся с «обновленными» опекой или ПДН, с готовностью прессингующими семьи, с теми, кто уже едет в головном вагоне западных технологий. И мы на них ополчаемся. Но это же не значит, что все работники опеки таковы или были таковы! А вот теперь — будут. Дело-то ставят на поток. А с потоком... с потоком особо не поспоришь. Тут «или — или». И сопротивляться потоку — удел совсем немногих. Что же касается других, многих — им просто ничего не останется, как измениться. Им шанса на выбор не предоставляется. Потому как обаяние силы, знаете ли, той самой «энергичности»... И того, что Достоевский называл «всемством». То есть, когда все вместе, и потому никакой индивидуальной вины. Куда ж лучше-то! Вина... ответственность... как-то это, согласитесь, старомодно. Не влечет.

А что влечет, спросите? Куда влечет? У-у-у... там такие горизонты открываются, такие!..

Вот смотрите, всё продвигается под лозунгом «толерантности». Дескать, будем доброжелательны к каждой группе с ее, нам чуждыми, привычками. И всем проявлениям людских прихотей дадим зеленый свет. Объяснив их не прихотями (или там похотями), а «правом быть другими». Хорошо.

Согласились. Отбросили тысячелетние запреты, наплевали на традицию и культуру (кто не помнит, «культура — это система запретов») и объявили допустимостью самых разных, не допускаемых прежде, вещей. Каких? Да всех, про которые можно сказать, что это норма, просто долгое время ее нехорошие (нетолерантные) люди выдавали за патологию. Обманывали нас почему зря. Внушали комплексы и зажимали нашу свободу. А вот теперь она наступила! Она нас захватила и несет на своих крыльях. И мы наконец-то провозглашаем наше право на...

А вот и не угадали! Потому что робко летеете, низенько-низенько. И плаваете — мелковато. Прежде всего — наше право на насилие. Да-да, и на убийство! Ведь если можно, скажем, развращать детей с младенчества (сверьтесь с нынешними рекомендациями ВОЗ — половое просвещение с трех лет! продвинутые исследователи так вообще требуют развивать сексуальность детей с рождения), то почему нельзя убивать? ПОЧЕМУ? Что там у вас? «Не убий»? Ну это, знаете ли, даже не смешно.

Еще скажите «не укради!» Ага. Щазз! Вы, может, того — клерикал? Мракобес и гонитель великих «пусь»? Крали, крадем и красть будем! Только теперь будем это делать ПО ПРАВУ. А не абы как. Потому что мы — отдельная группа со своими ценностями и нормами существования, вот! И, пожалуйста, не надо нам про УК. Добром просим! Проявите толерантность и отзыньте. А то ведь мы всяко можем, не залежится. (Это я за них договариваю, вы понимаете).

Ладно, отзынули от этих. Пошли дальше. Кого мы видим? Взятчника мы видим! И не одного. О-о-очень большая заслуженная социальная общность. В чем-то даже квазирелигиозная. У нее, чтоб вы знали, свои групповые устои, свой стиль общения, свой язык, свои ярко выраженные интересы. Вы хотите пренебречь ею, проявить к ней нетолерантность? Может, снова УК вспомните нектати? С присущей вам старомодной бестактностью, а? Так мы вам не дадим этого сделать, потому что в мире, где рулит толерантность — ТОЛЕРАНТНОСТЬ! — взятчик — такой же достойный член общества, как и честный человек. Неужели еще не понятно? Или вы хотите, чтобы он, этот трудяга на ниве элитных коммуникаций, был вечным парией? Ну пусть не по жизни — жизнь давно всё по местам поставила — по закону? Чтоб он таился и боялся? Испытывал стрессы, выполняя особо крупные просьбы клиентов? Зарабатывал себе язву и инфаркт? Ну уж нет! «Берущий» чиновник должен быть огражден законом и общественным мнением от отсталых нетолерантных типов. А если вам — да-да, вот именно вам, в дальнем углу — это не по нраву, так вы идите и исправляйте свой нрав! Пора бы уж.

Для начала проведите аутотренинг. Спросите себя, почему вас раздражает

взятничество? Сходите на групповой сеанс, попробуйте себя в ролях взяткодателя и взяткобрателя. Обсудите проблему с инструктором и коллегами по группе. Глубинное психологическое зондирование поможет вам вытащить из подсознания такой, например, исторический факт, как обсуждение идеи твердого тарифа на «услуги» чиновников — с целью упорядочения процесса и объема чиновной взятки. То было воистину пионерское предложение Гавриила Попова, обогнавшее свою эпоху на два десятка лет! И вот теперь приходит время воплотить смелый замысел! Надо, наконец, признать за мощнейшей когортой российских чиновников ПРАВО НА ВЗЯТКУ. Признать прогрессивный характер особенностей их труда и раз и навсегда покончить с обращенной на них с ненавистью миллионов. Нетолерантных, заметим, миллионов! Миллионов, которые давно пора к ногтю, если честно. С их дикими варварскими замашками, с их завистью к чужому успеху.

То есть вы видите, какие у нас впереди перспективы в части освоения идеи толерантности? Вы почувствовали глубину и размах? Главное, вы осознали, что именно стоит на пути продвижения этой идеи?

«Уголовный кодекс» стоит там и грустно мотает головой. Прямо как ослик Иа-Иа, смотрящий в лужу и изрекающий свое: «Душераздирающее зрелище». А разве не душераздирающее? Как мы вообще жили до сих пор, руководствуясь этим томиком в мягкой обложке? А вот так и жили, ровно как всё в том же ГУЛАГе! Всякую неординарность норовили улепить за решетку. Еще и возмущались, что много их на свободе гуляет. Тех, которым давно бы надо угомонить в соответствии с УК их разнузданные привычки. И засадить, засадить... туды их! С глаз наших долой этих преступников, от детей наших подальше этих педофилов! И гомиков, гомиков тоже правильно отправляют на нар, нечего! Вот что мы тут, в России, думали в прежние нехорошие времена. И в последующие чуть более гуманные времена — тоже не переставали так думать.

Зато теперь перестанем! Теперь у нас заплещут лес и горы. Потому что, вкусив от западных идей толерантности, мы тут же доведем их до логического завершения со всею удалью и безоглядностью, присущими, как известно, нашему народу. Доведем, доведем... Жив еще курилка!

Как любил пошутить комсомольские секретари промеж своих в оные годы: «Если пьянку нельзя предотвратить, ее следует возглавить». Вот она и будет возглавлена. На удивление всему миру.

А давайте начнем прямо сейчас! Давайте отменим эту поганую книжку — с ее статьями за скотоложество, за развратные действия с детьми, за канибализм и прочие «разнообразия» в нашей жизни! Да и за взятки — взятки ведь наше святое, наше всё! Выкинем УК на свалку истории!

Мы можем это сделать? Можем! Мы даже обязаны, дабы стать в уровень с современностью. С цивилизованными странами. А в чем-то их и переплюнуть, почему нет?

Пора пройти по Белокаменной с настоящим «Маршем толерантности», господа!

Воры имеют право красть, без страха быть осужденными! Взятчники — брать взятки! Хватить жить украдкой! Раствление малолетних должно стать, наконец, нормой!

Вот это есть истинно толерантный взгляд на мир. И не надо нам половинчатых решений. Недосказанностей и незавершенностей. Если допустимы в человеческом обществе педофилия и инцест, если это всего лишь «разнообразие» в проявлении естественных сексуальных наклонностей, то — в который раз спрашиваем — почему нельзя убивать безнаказанно?

Можно! Да, и насчет канибализма тоже, пожалуйста, пересмотрите закончик.

Мария Мамиконян

СОЦИАЛЬНАЯ ВОЙНА

Чаши весов колебались очень долго. И лишь в последнее время антигиппократические группы стали очевидным образом побеждать

Врач: профессия и этика. Часть II (продолжение)

Как я уже отметил в предыдущей статье, развитие медицинской этики на Западе и в СССР шло различными путями. В Советском Союзе медицинская этика взяла на себя роль не только преемницы, но и хранительницы гиппократовского «духа патернализма», «духа гуманизма», высшим проявлением которого, безусловно, стал подвиг советских медиков в годы Великой Отечественной войны. Но в капиталистических странах Западной Европы и США этот «дух» изначально ставился под сомнение.

Такая констатация не имеет ничего общего с демонизацией капиталистического общества. Я понимаю, что демонизация капитализма, осуществляемая наиболее кондовыми представителями советской пропаганды, вызывает справедливое недоверие. Но, согласитесь, не такое, как двадцать лет назад, когда капитализм, известный советскому человеку лишь понаслышке, казался почти безупречным. Теперь-то мы знаем, что такое капитализм: и внутри страны в нем пожили, и по миру поехали. И уже далеко не все клише советской пропаганды кажутся нам настолько уж не соответствующими действительности. Это первое.

И второе. Я не тиражирую клише и штампы, а знакомлю читателя с мнениями авторитетных и никакого отношения к советской пропаганде не имеющих историков западной медицины. Это они, а не советские пропагандисты, настойчиво говорили и говорят о том, что «дух предпринимательства», захлестнувший после Первой мировой войны Западную Европу и Америку, очень быстро распространился в медицине, превращая профессию врача из «служения» в доходный бизнес. «Под влиянием духа предпринимательства коррупция в медицине достигла угрожающих масштабов», — писал специалист по общественному здравоохранению из Калифорнийского университета профессор Милтон И. Роуимер, — *трогательный образ преданного своему делу врача прошлого века, спешащего в коляске, в которую запряжена лошадь, к своему пациенту в любое время дня и ночи, далеко не так часто соответствовал реальной действительности, как думают некоторые*.

В 1958 году свою оценку состояния медицинской этики в западных странах 30-х годов дал профессор НИИ судебной медицины В. И. Прозоровский. «За принципами медицинской этики», — пишет Прозоровский, — *внешне выражаемыми хорошими словами о долге врача, его честности и скромности, о служении человечеству, отчетливо вырисовывается господство соображений материальной выгоды, конкуренции. Специальные правила регулируют переуступку (цессию) медицинской клиентуры. Коммерческие приемы некоторых врачей иллюстрирует так называемая система дихотомии, когда терапевт и хирург, например, договариваются о дележе гонорара, если один из них направляет больного другому, а также договоры врачей с фармацевтами о направлении больных за лекарствами в определенную аптеку, за что врач получает особую мзду от фармацевта*.

Во избежание демонизации капитализма хочу сказать, что на капиталистическом Западе всегда было предостаточно и индивидуумов, и групп, готовых бороться за то, что я называю «духом Гипократа», духом гуманистической медицины и так далее.

С XIX века в этой борьбе важную роль играют профессиональные медицинские организации, церковь, в некоторых странах Европы (например, в Германии) — правительство, борющееся за введение социальной страховой медицины, законодательство, этические кодексы.

Так, например, в 1926 году эту борьбу возглавляла Международная медицинская ассоциация (L'Association Professionnelle Internationale des Medecins) — независимая организация, объединившая врачей 23 стран мира. С началом Второй мировой войны ассоциация была распущена и возобновила свою работу лишь в послевоенный период уже как Всемирная медицинская ассоциация (ВМА).

Между тем, особо острая борьба развернулась на Западе вокруг вводимого правительствами некоторых европейских стран социального страхования по болезни. Идею социальной безопасности еще XIX веке сформулировал первый канцлер Германии Отто фон Бисмарк. Он же в 1883 году ввел в стране систему «социального страхования от болезни», которую считал «самым дешевым и надежным способом обеспечить медицинскую помощь бедным пациентам, потому что при этом они сами откладывают часть своей зарплаты на случай болезни». Тогда по стране прокатилась волна забастовок и протестов представителей медицинской общественности, ратовавших за «частную медицину».

В других странах мира (Великобритании, Франции, Японии, Австралии) введение в действие законов о страховании здоровья, принятых законодательными органами, также натолкнулось на жесткое сопротивление со стороны части медицинского сообщества. Врачи при этом иногда не останавливались даже перед прямым отказом оказания помощи больным.

«Сопротивление американских врачей введению страхования на случай болезни, в какой бы то ни было форме, имеет очень долгую историю», — писал Милтон И. Роуимер. — *Предложения принять национальный закон о страховании здоровья, выдвигавшийся еще до Второй мировой войны, клеймились как попытки «социализовать медицину»*.

Однако тотальная коммерциализация, как оказалось, была далеко не последним злом, перед которым встала западная медицина XX века.

Вторая мировая война и чудовищные преступления нацисткой антимедицины, а далее ядерная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки — поставили под сомнение не только гуманистическое начало в медицине, но и гуманизм как таковой. И заставили мировое сообщество с новой силой задуматься над созданием международных кодексов медицинской этики.

С 25 октября 1946 г. по 19 июля 1947 г. первый военный трибунал США в Нюрнберге рассматривал «Дело медиков». Суду были преданы 23 человека. В приложении к Приговору нацистским врачам был сформулирован знаменитый Нюрнбергский кодекс, включавший 10 правил проведения медико-биологических экспериментов на людях. Приведу только некоторые из этих правил:

- Необходимо добровольное согласие испытуемого, который должен быть полностью информирован обо всех сторонах эксперимента;
- Эксперимент должен быть научно обоснован;
- Риск должен быть разумным и оправданным: следует максимально избегать физических и психических страданий и повреждений (возможность смерти или приобретения инвалидности исключается) и т.д.

Нюрнбергский кодекс стал, в определенном смысле, первым основополагающим документом нового этапа в развитии мировой медицинской этики. Этот же кодекс впервые ввел в мировую практику понятие «информированности пациента» о возможных «рисках

и выгодах» эксперимента. Отмечу, что в начале 50-х годов этот термин рассматривался только применительно к экспериментам с участием человека. Однако уже в конце 50-х годов закрепился и в клинической практике.

Этому предшествовало несколько крупных событий, получивших в свое время огромный общественный резонанс.

Так, в 1957 году глава римско-католической церкви папа Пий XII в журнале «Анестезис» опубликовал статью, в которой впервые морально обосновал допустимость прекращения реанимации у некоторых пациентов. Речь шла не только о медицинских доводах абсолютной бесперспективности реанимации, но и о богословских аргументах — «возможности отделения души от тела у таких пациентов».

А в 1959 году французские неврологи впервые описали состояние «запредельной комы» (смерть мозга), поставив одну из фундаментальнейших проблем, зарождавшейся тогда биоэтики — нового определения смерти.

Дело в том, что в течение столетий смерть констатировалась только после остановки сердца и прекращения дыхания. Теперь основополагающим критерием смерти стала смерть мозга, даже при сохраненном остаточном сердцебиении.

Проблема смерти мозга имела огромное социально-этическое и одновременно медицинское значение. Во-первых, смерть мозга являлась обоснованием прекращения бесперспективной реанимации. Начиная с 60-х — 70-х годов в разных странах мира действовала Инструкция, которая давала законное право прекращать реанимацию у таких больных. Во-вторых, в плане развития клинической трансплантологии пациенты в состоянии смерти мозга — являются «идеальными донорами».

Еще одним важным историческим событием 1957 года, сказавшимся на развитии новых направлений западной медицинской этики, оказался громкий судебный процесс в США, известный как «Мартин Сальго против Стэнфордского университета». Суть состоит в том, что в результате медицинского вмешательства пациент Мартин Сальго стал инвалидом. Обратившись в суд, он выиграл процесс, так как суд установил, что врач не проинформировал пациента о возможности серьезного осложнения. Это дело получило большой резонанс в СМИ, а в общественном сознании закрепился термин «информированное согласие» (informed consent), который стал активно применяться в клинической практике.

Далее в 1960 году Германия столкнулась с эпидемией врожденных уродств: в течение года родилось около 7 тысяч детей, лишенных конечностей. Аналогичные случаи фиксировались и в других странах Западной Европы. Как выяснилось, причиной уродств стало тератогенное воздействие широко рекламированного нового снотворного, успокаивающего, противорвотного средства — талидомида, который назначался беременным женщинам. По Европе прокатилась волна судебных процессов.

Итак, на Западе очень долгое время шла борьба между гуманистически (гиппократически) настроенными медиками и медиками, настроенными иначе. Чаши весов колебались очень долго. И лишь в последнее время антигиппократовские группы стали очевидным образом побеждать.

С одной стороны, это обусловлено самим духом капитализма, который если не тождествен духу наживы, то очень близок к нему.

А вот с другой стороны — что намного важнее — антигиппократики стали критиковать гиппократиков именно с гуманистических позиций. Это требует подробного рассмотрения.

Мы уже обсуждали патерналистскую медицину. То есть модель, в рамках которой врач является авторитетом, отцом, опекуном и так далее. Согласитесь, что сейчас, когда под вопросом даже право отца на воспитание ребенка, очень просто сказать: «Патерналистская медицина негуманистична, авторитарна, пружуждает во враче некий дух власти, сдвигает медицину в сторону тоталитарного господства врача над пациентом и так далее.

А ведь пациент — это взрослый человек, а не ребенок. И если мы пересматриваем даже отношения между родителями и детьми, то мы просто обязаны пересмотреть, причем в особом гуманистическом ключе, отношения между врачом и пациентом. Давайте во имя суверенитета пациента назовем его заказчиком, а врача — поставщиком услуг! И тогда всё будет гораздо более гуманистично». Ой ли?

А священника мы тоже будем называть поставщиком духовных услуг? И это тоже будет гуманистично? В каком-то смысле, может быть, это и будет гуманистично. Только не будет такого поприща — духовное окормление. То же самое — с медициной. В основе такого моего утверждения — неотъемлемый принцип уязвимости больного. Больной уязвим не только в силу своей непрофессиональности. Он уязвим еще и потому, что он болен. Его терзают боли в самом прямом физическом смысле этого слова. Он боится смерти. В целом, повторяю, он предельно уязвим и потому должен особым образом опекаться. Переход на более равноправное отношение между больным и врачом на деле означает только одно. Возможность для врача особым образом эксплуатировать слабость пациента. И именно такая эксплуатация рвется сквозь прорехи медицинского гуманизма в нашу жизнь. Тут налицо прямая аналогия между псевдогуманизмом ювенальной юстиции, когда требования более равноправных отношений между родителями и детьми порождают ювенальный тоталитаризм, — и договорной медициной. Когда требования более равноправных отношений между врачом и пациентом порождают тоталитаризм медицинский.

Как говорят в таких случаях, парадоксально, но факт.

Для того чтобы не быть голословным, перейду к рассмотрению конкретного содержания понятия «новая договорная медицина». В основе этой новой медицины так называемая «биоэтика».

Этот термин был введен в обиход английским биохимиком, онкологом Ван Ронселлер Поттером, опубликовавшим в 1970 году статью «Биоэтика — наука выживания», а в 1971 г. книгу «Биоэтика — мост в будущее».

Не отрицая в целом наследие Гипократа, апологеты биоэтики не скрывают того, что во многих «существенных моментах» расходятся с классической врачебной этикой.

Так, последователей биоэтики не устраивает традиционная патерналистская модель взаимоотношений врача и пациента, поскольку, по их мнению, ущемляет права пациента... На что? Этот вопрос следует ставить ребром всегда, касается ли это прав человека, прав ребенка или прав пациента. Речь идет, читатель, о праве пациента на самостоятельную трактовку всего, что связано с его здоровьем, его жизнью и его смертью. А это, между прочим, далеко идущие права. Речь идет, например, о праве наркомана быть нездоровым и так далее (сравни — право ребенка на гендерный выбор).

Второй принцип биоэтики, «принцип не-нанесения вреда», по мнению ее последователей, также является противоположным традиционной медицинской этике, поскольку меняет цели лечения. Если в традиционной медицине главной целью лечения считалось сохранение здоровья и жизни пациента (как бы любой ценой), то в этом втором принципе биоэтики общая цель лечения и охраны здоровья формулируется по новому — как всестороннее благополучие (well-being) пациента.

Слово-то красивое — всестороннее благополучие. А вот каково содержание у этой красивой обертки? Оно обнаружилось достаточно быстро. Как только начались дискуссии об искусственных абортах и эвтаназии (как искусственного приближения смерти). Этика Гипократа категорически запрещала и искусственные аборт, и эвтаназию. В отличие от нее, в биоэтике эти проблемы рассматриваются «научно-нейтрально» — как результат сравнения аргументов «за» и «против».

Но об этом в следующей статье.

Михаил Дмитриев

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

ДНК-центры — это только один из ударов, которые планируется нанести по тому, что еще уцелело за прошедшие двадцать лет от русской и советской культуры

Слом идентичности

В ноябре 2013 года в Калуге прошло несколько круглых столов, на которых обсуждались планы по строительству в городе Дома Новой Культуры (ДНК-центра). В ближайшее время ответственные за создание ДНК-центра собираются провести встречи с городской общественностью. В итоге обсуждений должна быть выработана стратегия развития будущего калужского ДНК-центра.

Напомним, что инициатива по созданию Домов Новой Культуры появилась в августе 2012 года и принадлежала тогдашнему вице-премьеру Владиславу Суркову. В. Сурков заявил, что в провинциальных городах не хватает центров современного искусства. «Наша любовь к традиционализму, к традиционному искусству, к нашим корням, к фольклору неизбывна и заслуживает всякого уважения, но мы решили дополнить традиционные культурные центры такими местами, где получат возможность творить те, кто в меньшинстве. Во всех городах России должны быть места, куда могут прийти те, кого многие не понимают, и там найти тех, кто его поймет».

Инициатива Суркова вызвала много вопросов. Прежде всего, потому что ясно, — и без Домов Новой Культуры, созданных для поддержки творчества «меньшинства», «меньшинство» находится в привилегированном положении. Так, Марат Гельман освоил в Перми огромный бюджет, заполнил город инсталляциями и скульптурами, долгое время являлся директором Пермского музея современного искусства и был снят с поста директора только после серии громких скандалов.

Отставка В. Суркова с поста вице-преьера и увольнение М. Гельмана породили надежды на то, что проект создания Домов Новой Культуры так и останется нереализованным. Надежды эти оказались напрасными. Более того, надо отметить, что ДНК-центры — это только один из ударов, которые планируется нанести по тому, что еще уцелело за прошедшие двадцать лет от русской и советской культуры.

Итак, что же планируется в Калуге?

Участники круглых столов неоднократно выражали недоумение в связи с размытостью вопросов, выносимых на обсуждение. Так, многих удивило высказывание Екатерины Гиршиной, куратора публичных проектов института «Стрелка» и куратора калужского ДНК-центра: «...есть Министерство культуры, которое выделило деньги и сказала: идите и сделайте центр, где будут происходить гении. Дальше что это означает — непонятно. Я пришла сюда, и мне нужно организовать процесс так, чтобы понять, чем должен стать этот центр. И моя основная задача — это поиск людей, помощь в профессиональном развитии и фасилитация этого разговора между вами».

Казалось бы — странное, если не сказать больше, высказывание. Мол, деньги дали, но что — не ясно, давайте подумаем.

Но, в действительности, на что дали деньги — очень даже ясно. И характер разговора с общественностью только подчеркивает плохо скрытое презрение к этой самой общественности... Мол, стоит ли придумывать, распинаться... Скажем, что мы — передаточное звено, и все дела. Пусть сами придумывают, что тут будет. Тем более, что всё равно будет то, что задумано отцами-основателями проекта. А задумано ими следующее.

Владислав Сурков, говоря о Домах Новой Культуры, провел параллель с советскими домами культуры. Он сказал, что цель ДНК — преобразовать действительность так, как в советское время это сделали советские дома культуры. То есть, по сути, на ДНК-центры возложена задача создания новой культуры.

Как будет проходить работа, каковы механизмы создания этой новой культуры? На этот вопрос отвечает Александр Мамут, соучредитель института «Стрелка» и один из спонсоров создания калужского ДНК-центра: «Мы хотим создать обстановку для проявления талантливых, уникальных, штучных людей, создавая для них современную, хорошо продуманную технологичную среду, в которой мы им сначала расскажем

Николай Полисский. Границы империи (2007)

и объясним, а потом сделаем соучастниками создания новых культурных смыслов и объектов».

Всё сказано прямым текстом. Сначала будут найдены «штучные» люди. Потом для них создадут продуманную среду, дальше объяснят, что делать, и превратят в «соучастников создания новых культурных смыслов».

А дальше — «соучастники» будут нести новую культуру жителям города, менять их представление об искусстве.

И уже даже решено, кто именно будет менять представление об искусстве конкретно в Калуге. Совсем не абы кто. Еще в марте 2013 года В. Сурков объяснил, что выбор Калуги в качестве места строительства одного из первых трех ДНК-центров не случаен. Он связан, в том числе, с тем, что в городе работает соратник М. Гельмана — художник Николай Полисский. В Перми Полисского хорошо знают благодаря «Пермским воротам» — сделанной из еловых бревен большой буквы П.

Н. Полисский так вспоминает время своей работы в Перми: «В 2000 году мы в первый раз привезли современное искусство в Пермь — местные современные художники нас чуть не поубивали. Они в Перми потихонечку развивались — с разницей с актуальным современным искусством лет в 70, — а мы взбаламутили их тихую жизнь».

В Калуге Н. Полисский баламутит жизнь с помощью так называемого «лэнд-арта»: в деревне Никола-Ленивец Калужской области он строит из дерева композиции, напоминающие языческие капища.

Критически настроенный читатель может задать вопрос: как с помощью трех Домов Новой Культуры можно повлиять на культурную жизнь страны? И основатели ДНК-центров, и рядовые участники проекта, конечно, понимают, что у них нет шанса выжить в «естественной среде». Поэтому обеспечить успешность проекта можно только при выполнении нескольких условий.

Первое условие — это поддержка власти, как федеральной, так и местной.

Второе условие — это быстрое приобщение к новой «культуре» молодежи и пассивность старшего поколения, которое спохватится ровно в тот момент, когда менять что-то будет уже поздно. При нынешних темпах «культурного строительства» это «поздно» уже не за горами. А переломить ситуацию только силами «Сути времени» получится вряд ли.

К 2015 году должны быть построены пилотные ДНК-центры в Калуге, во Владивостоке и в Первоуральске. На строительство экспериментальных ДНК только в 2013 году планировалось выделить 1 млрд. руб. из федерального бюджета. Глава Министерства культуры В. Мединский уже заявил, что «эти три новых Дома — только начало. Мы надеемся, что с помощью бизнеса и региональных властей таких Домов будет значительно больше».

Но это еще не все. Тут надо вернуться к вопросу о том, что создание ДНК-цен-

тров — не единственный проект, нацеленный на перестройку российского культурного пространства.

В сентябре 2013 года на заседании правительства был одобрен проект Министерства культуры о строительстве в 13 регионах России многофункциональных культурных центров, этаких «ДНК-лайт». Мединский разъяснил, что эти центры будут выполнять функции советских домов культуры и коворкингов.

Коворкинг от английского co-working — совместно работающие. Речь идет об объединении в одном пространстве людей, занимающихся работой в самых разных творческих сферах. Такой своеобразный офис для фрилансеров. По мнению Мединского, если к такой площадке добавить «музейно-выставочное пространство, секции, кинотеатр и всё это поместить в парки, то это будет центр притяжения людей». За образец взят коворкинг, уже действующий в московском Парке Горького.

Создатели московского коворкинга так описывают свою идею: «Что у нас думают о коворкинге: что это стул, стол, компьютер и интернет. Человек приходит и работает, и хорошо бы его еще и огородить, чтобы ему там было уютно. Мы запускаем американскую модель, в которой речь идет об атмосфере общения... наша задача — создать «тусовку», а не только дать место для спокойной работы... Основной контингент — люди, которые что-то создают, творческие во всех проявлениях, начиная от создания своей собственной программы, заканчивая изобразительным искусством».

В «тусовку» принимают далеко не всех. Так, пропуск не получат «парень, торгующий металлом». То ли в силу того, что он торгует, то ли из-за того, чем он торгует, организаторам «тусовки» его занятие показалось неинтересным.

Что будет происходить в таких «тусовках», учитывая, что в ближайших планах стоит создание 40–50 подобных объединений? Для чего нужно собирать и тусовать так называемую «креативную» молодежь?

Идет ли речь только о желании активизировать сторонников постмодернизма (ведь именно они сегодня узурпируют, как все мы понимаем, бренд новой культуры)? Или же налицо нечто гораздо более масштабное, имеющее право на рассмотрение в рубрике «Война с культурой»?

Начнем с того, что узурпация постмодернистами бренда новой культуры и вытекающего из этого статуса — дело совсем не мелкое. И имеющее прямое отношение к войне с культурой. Потому что постмодернисты действительно воюют с культурой и не скрывают этого. Потому что наш постмодернизм особо антинационален и ядовит. И наконец, потому что нам нужна новая культура — но такая, которая была бы связана с Отечеством и традицией. Ведь только такая новая культура может носить не деструктивный характер. А постмодернистская новая культура не имеет связи ни с Отечеством, ни с традицией. И по определению, носит деструктивный характер.

И всё же — с чем мы имеем дело? Только ли с агрессивным и опасным поведением постмодернистской субкультуры? Считаю очень важным подчеркнуть здесь слово «суб-», ибо ничего общего с новой культурой ни одна субкультура иметь не может, постмодернистская в том числе. На то она и субкультура.

Может на этом можно подвести черту? И не придавать большего значения всем этим ДНК (заметим, что уже само название явно претендует на построение нового культурного генома)? Наверное, я бы и подвела здесь черту, если бы не высказывание Ирины Прохоровой, которое наконец-то расставило точки над i.

Ирина Прохорова — это сестра Михаила Прохорова, руководитель Фонда Михаила Прохорова, глава издательства «Новое литературное обозрение» (известное как НЛО) и одноименного академического журнала.

Для справки: одной из задач Фонда Михаила Прохорова является поддержка культурных инициатив в российской провинции. О работе Фонда в российских регионах надо будет сказать отдельно. Пока же очень важно зафиксировать политическую и мировоззренческую позицию его руководителя. Важно это как потому, что Фонд сам ведет активную работу с молодежью, так и потому, что эта позиция будет активно востребована в ДНК-центрах и в ДНК-тусовках.

Так вот, Ирина Прохорова настаивает на том, что надо заниматься не развитием новой культуры, а чем-то гораздо более масштабным — поиском национальной идентичности.

Надеюсь, читатель понимает, что под видом приобщения к новой культуре его хотят приобщать к ядовитому антинациональному постмодернизму? Но этого мало. Приобщать будут еще и к новой идентичности. Новая культура унд новая идентичность — вот план госпожи Прохоровой и не ее одной.

Читатель возразит, что у него идентичность есть, и его не надо приобщать к новой. Но так считает читатель. А вот госпожа Прохорова уверена, что наша идентичность потеряна или сломана. Что же случилось, как произошел этот слом? А произошел он, по ее мнению, следующим образом.

Советское время было временем тоталитаризма и «чудовищного советского идеологического искусства», — говорит она. «Существует предубеждение, что у нас была великая литература, которая закончилась к началу 90-х годов прошлого века. Это абсолютно неверно. На самом деле если она и существовала в то время, то не проходила цензуру... Необыкновенно высокая духовность, которая якобы была у жителей СССР, — на самом деле измышление нарциссиков...».

Что значат подобные высказывания? Что советскую идентичность хотят извести на корню. Известно, несмотря на то, что сейчас ей присягает и ее хочет заново обрести большая часть населения. Госпожу Прохорову не волнует население. Они будут ломать его через колено в угоду новой идентичности. Чтобы это понять, достаточно почитать, как Прохорова восхваляет 90-е годы за то, что сторонники Ельцина ломали советскую идентичность, и как она поносит путинский период за то, что эту же идентичность перестали ломать. Как призывает она к новому слому.

Прочитайте высказывания Прохоровой! И вы сами убедитесь, что под видом борьбы со сломом идентичности она хочет осуществлять слом ненавидимой ею идентичности. А какими способами ломается идентичность? Такие штуки, как слом идентичности, проделываются с опомнившимся народом только путем кровавых тоталитарных репрессий. Сначала по ДНКшникам... Потом поидентичникам... А потом...

Весь вопрос в том, позволим ли мы «прохоровым» реализовать это их «потом». Будет ли оно у них? Потому что если оно будет у них, то его не будет у нас. Тут — или-или. Или новый слом идентичности «а ля ДНК», которого Россия не выдержит. Или восстановление настоящей идентичности, которую ДНКшники ненавидят.

Мария Рыжова

МИРОУСТРОИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА

13 ноября 2013 года Мухаммад Мурси через своего адвоката выступил с обращением к народу Египта. Это обращение недвусмысленно призывает к войне

Египет накануне гражданской войны?

Начиная с середины лета 2013 года, когда был свергнут с поста президента избранный в Египте ставленник США и «Братьев-мусульман» Мухаммад Мурси, египетские «Братья» переживают сокрушительный политический разгром. Удивительная стремительность и последовательность этого разгрома, совершаемого египетской армией в союзе с судебной властью, сравнима по своей категоричности только с полнейшим бездействием, которое та же египетская армия продемонстрировала до этого в течение двух лет.

Не менее удивительно и то, насколько слабое сопротивление сумела оказать отстранению от власти столь мощная структурно и столь развитая идеологически организация, как египетские «Братья-мусульмане». Объяснить это можно, по всей видимости, только полной военно-политической неготовностью «Братьев» к тому, что им мог быть дан отпор. Неготовность же эта, в свою очередь, должна была проистекать из той поддержки, которая ранее была оказана «Братьям» из-за рубежа. И ведь действительно, зимой 2011 года они пришли к власти в Египте очень быстро и в условиях полного невмешательства армии.

А как мы помним, «Братья-мусульмане» стали и основным инструментом, и основным союзником западных мироустроителей в переустройстве Ближнего Востока задолго до начала «арабской весны». И уже потому их нынешняя судьба заслуживает пристального внимания.

Перечисление всех сегодняшних неприятностей египетских «Братьев-мусульман» невозможно в рамках одной газетной статьи. Достаточно указать, что руководство «Братьев» оказалось в заключении, как и экс-президент Египта Мухаммад Мурси. Что Ассоциация лишилась своего статуса НКО, а суд рекомендовал ее распустить. Что финансовые счета «Братьев» были заморожены, а телеканалы закрыты.

Конечно, никто не ждет от «Братьев» трогательной беззащитности. И у них самих гипноз западной и катарской поддержки давно прошел. Но проводимые постоянно многотысячные акции протеста, на которые по-прежнему способны «Братья», для Египта уже стали бытом. И не оказывают на ход событий в стране того воздействия, какое оказывали зимой 2011 года.

В настоящий момент в Египте остро стоит вопрос о том, окажут ли «Братья» вооруженное сопротивление давлению со стороны властей. То есть — начнут ли они полномасштабную гражданскую войну. При этом создание очагов вооруженного противостояния с участием исламских радикалов уже идет в Египте полным ходом. Например, в городе Дельга или на Синае. Но пока это все-таки только локальные зоны.

Однако не так давно в Египте прозвучало обращение экс-президента Мурси, которое вполне может содействовать превращению этих узких зон во что-то более серьезное.

13 ноября 2013 года Мухаммад Мурси через своего адвоката выступил с обращением к народу Египта, которое адвокату удалось зачитать по телевидению. И это обращение недвусмысленно призывает к войне:

«Египетский народ должен знать, что я был похищен силой и продолжил воли 2 июля, и до 5 июля оставался в здании, принадлежащем Республиканской гвардии, прежде чем меня и моих помощников, вновь насильственно, перевели на военно-морскую базу, принадлежащую вооруженным силам, где нас удерживали в течение четырех месяцев».

«Египет не сможет восстановиться до тех пор, пока всё, что случилось из-за этого переворота, не исчезнет, а те, кто пролил кровь на нашей земле, не будут привлечены к ответственности. Я приветствую египтян, которые восстали против этого переворота, который провалится благодаря тому, что египтяне продолжили джихад во имя собственных прав и свобод».

Оставим на совести свергнутого президента, находящегося в тюрьме, не слишком убедительное выражение «переворот, который провалится». И обратим внимание на другое.

Выступление Мурси является продолжением своего рода «диалога обращений». Тех обращений, которые светские и духовные лидеры внутри страны — а также вне нее — направляют народу Египта, начиная с января 2011 года. То есть с первой волны «арабской весны».

Тогда, в конце января, многолетний президент Египта Хосни Мубарак получил от авторитетного для «Братьев-мусульман» духовного лидера Юсуфа Кардави публичное воззвание следующего содержания.

«Мубарак, уходи, если в твоём сердце осталась хоть частичка милосердия, а в твоей голове — частичка здравомыслия. ...»

Для тебя не осталось места, Мубарак, я призываю тебя уйти добровольно, чтобы затем держать ответ перед гражданским судом, а не судом военным, который ты создал, чтобы расправляться с противниками без суда и следствия. ... Каждому тирану наступит конец, и никто не в силах бороться с историей».

Особый колорит словам об истории, с которой никто не может бороться, придает то, что они были произнесены в эфире телеканала «Аль-Джазира» — многолетнего ближневосточного рупора западных манипуляторов политикой на Ближнем Востоке. Тех, кто отказывает в праве на какую бы то ни было историю всем, кроме себя.

Зато свержение летом сего года египетского президента, представлявшего «Братьев-мусульман», — это, конечно, уже не мощь истории, а попрание свобод, которое требует немедленного ответного джихада.

Бывший президент Египта Хосни Мубарак в июле 2013, в свою очередь, выступил с призывом, который фактически является ответом Кардави, данным через два года. Мубарак призвал тогда еще действующего главу государства Мохаммеда Мурси уйти в отставку. И указал на то, что число протестующих летом 2013 уже значительно превысило число демонстрантов, вышедших на улицы Египта в январе 2011 г. во время «арабской весны». А значит, подразумевает Мубарак, летний протест 2013 года имеет не меньше, а больше оснований считаться народной волей, чем январские выступления 2011 года.

Мубарак подчеркнул, что сам он в 2011 г. пошел навстречу требованиям протестующих и ушел в отставку «ради египетского народа». Теперь Мубарак призвал Мурси последовать его примеру.

На этот призыв последовал ответ из-за рубежа — от того же шейха Юсуфа Кардави.

Сразу после отстранения Мурси от власти в начале июля 2013 года — 6 июля — Кардави выпустил фетву, в которой поддержал свергнутого президента от «Братьев-мусульман». Кардави заявил: *«Все действия тех, кто сверг президента, приостановили действие конституции и поставили у власти иногосударственного президента, не имеют законной силы».* Вот вам и народная воля... Да и кому же лучше знать, что имеет законную силу в Египте, чем Юсуфу Кардави, гражданину Катара...

Кстати, вопрос о народе в фетве Кардави также не был обойден: *«Мурси должен оставаться президентом, и никто не имеет права лишать его этой должности от имени народа. ... Я призываю всех египтян, мужчин и женщин, стариков и молодых, бедных и богатых, мусульман и христиан, либералов и исламистов, сомкнуть ряды и защитить завоевания революции 2011 года, свергнувшей Мубарака».*

Прежде всего, с точки зрения представления о государственном суверенитете Египта, незаконным следует считать приведенное заявление Кардави. Но ведь Кардави выступает с позиций внегосударственных, с позиций собственной «революционной законности»!

Отметим, как легко авторитетный богослов задействует риторику, основанную на лозунге о всеисилии истории и «имени народа». Такая риторика показывает, что Кардави видел и ценил в египетских политических завоеваниях «Братьев-мусульман» процесс, родственанный иранской революции 1979 года.

То есть ведущий к суннитскому варианту теократизма с опорой на «Братьев».

И действительно, идущая в Египте ожесточенная борьба за власть имеет еще один немаловажный аспект. Речь идет о борьбе за духовное лидерство, без которого в исламской стране политический успех невозможен. И здесь основным конкурентом «Братьев-мусульман», является, конечно, университет «Аль-Азхар».

Борьба за Аль-Азхар важна постольку, поскольку это не борьба светских военных с исламистской организацией «Братья-мусульмане». Нет, это борьба внутри самого египетского ислама. Проследим за тем, как разворачивается этот внутриисламский спор, одной стороной в котором являются более или менее умеренные сунниты, контролируемые Аль-Азхар, а другой — исламисты, выступающие от лица «Братьев-мусульман».

30 октября братья-мусульмане попытались захватить «Аль-Азхар». И полиция Египта вынуждена была брать штурмом это крупнейшее в исламском мире религиозное учебное заведение.

Затем в продолжение нескольких недель происходили беспорядки в филиалах «Аль-Азхара» в разных районах. Явление это отнюдь не шуточное, учитывая, что весь «Аль-Азхар» включает в себя 64 факультета, которые базируются в шестнадцати провинциях Египта. В Египте 27 провинций и, значит, под постоянным влиянием университета находится более половины регионов страны. Сам же университет является важнейшим столпом духовной власти в стране (не говоря уже о значении «Аль-Азхара» для всего исламского мира). И потому так понятна борьба «Братьев-мусульман» в Египте не только за политическую власть, но и за позиции в «Аль-Азхаре».

20 ноября несколько сотен студентов «Аль-Азхар», поддерживающих «Братьев», совершили попытку захвата администрации университета. Эти действия были пресечены полицией.

Подчеркнем, что давнее требование «Братьев-мусульман» заключается в том, чтобы глава «Аль-Азхара» избирался учеными университета, а не назначался президентом страны, как это происходило с 1961 года. При этом руководство «Аль-Азхара», со своей стороны, издавна гордится своей независимостью и неподчинением любым политическим течениям.

Надо признать, что основания для такой гордости имеются. Университет «Аль-Азхар» был основан в 988 году, он ровесник Каира. До сегодняшнего дня университет является старейшим и самым влиятельным исламским университетом мира. Соответственно такому статусу, глава «Аль-Азхара» — это Верховный имам страны, который в Египте традиционно имеет ранг премьер-министра, а назначается пожизненно.

Шейх аль-Тайеб

Указанные обстоятельства придают особую политическую значимость всяким попыткам сменить шейха «Аль-Азхара». А такие попытки, конечно, происходили в период правления «Братьев-мусульман» в Египте, в том числе в начале 2013 года.

В апреле сего года шейх «Аль-Азхара» доктор Ахмад Аль-Тайеб (возведенный в свою должность еще при Мубараке, до «арабской весны») уволил ректора университета, а также двух крупных университетских администраторов, связанных с питанием студентов. Причиной увольнения стало одновременное отравление более 500 студентов в университетском городке. Инцидент оказался поводом для очередного конфликта с «Братьями», которые потребовали отставки шейха «Аль-Азхара», а также темой горячих обсуждений в египетских СМИ.

В частности, по телевидению выступил экс-депутат Хамди Фахрани, который не исключил участия в этом массовом отравлении «Братьев-мусульман» и открыто заявил: *«У «Братьев-мусульман» есть план уволить шейха «Аль-Азхара», чтобы принимать законы, выгодные им, с целью расширения своих возможностей...».* Понятно, что в случае удачи, то есть смещения Верховного имама «Аль-Азхара», нового шейха по действующим правилам назначал бы находившийся у власти Мухаммад Мурси. И тогда «Братья-мусульмане» заняли бы центральную позицию в университете — оплоте религиозной традиции всего громадного исламского мира. А их ставленник, по египетским правилам, также занимал бы ее пожизненно.

При этом сам глава «Аль-Азхара» шейх аль-Тайеб, несмотря на веками выработываемое в университете взвешенное отношение к политическим потрясениям, в августе 2013 года счел необходимым выступить с обращением к «Братьям-мусульманам». Обращение было вызвано, в том числе, тем террором, который «Братья» развернули тогда в захваченном ими коптско-христианском египетском городе Дельга. В городе были сожжены множество домов христиан и церквей, сожжению и разграблению подвергся 1600-летний монастырь Девы Марии.

Так вот, 17 августа шейх аль-Тайеб выступил в эфире национального телевидения и заявил, что *«легитимность не обретешь кровью или хаосом».* (В связи с этим невозможно не обратить внимание на точность мысли шейха о несоместности хаоса с той самой легитимностью, к которой так упорно апеллировали западные политики, говоря об «арабской весне».) Выступление главы «Аль-Азхара» было отмечено тем, что в нем шейх впервые назвал организацию «Братьев-мусульман» впрямую. Он сказал, что у тех «Братьев», которые не привержены насилию, по-прежнему остается шанс участвовать в строительстве будущего Египта. Но только в случае, если такие члены организации *«начнут работать во имя национального мира и защитят свою страну от кровавого противостояния».*

Это заявление прозвучало еще августе. Но своеобразный «диалог обращений» по поводу судьбы Египта явно не завершен, как не завершены в стране и массовые акции протеста, и регулярные военные операции.

Так что же ожидает Египет теперь? Признаки гражданской войны в стране становятся всё более определенными. Массовые выступления не утихают. Университет «Аль-Азхар», несмотря на намерение оставаться «над схваткой», на деле всё более превращается в еще одну площадку политической борьбы и уличных столкновений. В ряде городов (таких, как Исмаилия и Дельга) продолжают беспорядки, приводящие к жертвам. Синай всё более превращается в очаг постоянных боевых действий армии против исламистских группировок.

То есть египетский мироустроительный котел продолжает быстро разогреваться. А его закипание неизбежно запустит новые мироустроительные процессы во всем регионе.

Мария Подкопаева

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ВОЙНА

Если бы Муссолини шел обычным для итальянских социалистов путем, он бы наверняка стал одним из ярких деятелей итальянской Соцпартии — и не более того. Но Муссолини был (а) невиданным мерзавцем и (б) выдающимся политиком

Муссолини и политическое оформление фашизма

Создание и политическое становление итальянского фашизма неразрывно связано с именем Бенито Муссолини.

При обсуждении этой фигуры необходимо избежать двух «методологических искушений».

Первое — превратиться в биографа Муссолини.

Второе — полностью наплевав на биографические подробности, посвятить статью анализу специфики итальянского фашизма.

Конечно, на мое заявление о необходимости избегать этих методологических искушений мне могут ответить: «Легко сказать — избегать. А как?»

Понимаю справедливость подобного возражения. Но всё же попытаюсь «пройти по лезвию бритвы». И начну с изложения минимума исторического и биографического материала.

Бенито Муссолини родился в 1883 г. в поселке Довиа в провинции Форли. Он сын учительницы (истовой католички) и кузнеца (воинствующего социалиста, поклонника Бакунина и члена Второго Интернационала). Из-за разногласий родителей Бенито не был крещен. От отца он воспринял идеи анархо-синдикализма и антиклерикальные убеждения. В церковной школе, в которую его отдали в 1891 г., отличался вспыльчивостью и едва не был исключен. Позже, после ряда конфликтов, мать перевела его в другую школу.

В последний школьный год Муссолини вступил в социалистическую партию и начал писать статьи для местных социалистических газет, а также получил первую практику публичных агитационных выступлений. Закончив гимназию в 1901 г., он начал работу преподавателем младших классов в соседней деревне. Здесь он возглавил ячейку соцпартии и стал членом местного крестьянского объединения-синдиката.

В 1902 г., чтобы избежать призыва на военную службу, Бенито уехал в Швейцарию. Там он перебивался на случайных непрофессиональных работах в Женеве, Лозанне и других кантонах, и везде старался участвовать в местных социалистических собраниях. В Лозанне, посещая экономические лекции В. Парето, познакомился с самим Парето, а также с его теорией элит.

Там же Муссолини познакомился с В. И. Лениным и украинской марксисткой-эмигранткой А. Балабановой, которая обратила его внимание на труды Маркса, Ницше, теоретиков элит. И хотя Муссолини в этот период прочно вошел в круг марксистов, уже тогда в его высказываниях постоянно обнаруживалось влияние идей Парето, Ницше, Лебона, Сореля.

В 1903 г. Муссолини по запросу Италии депортировали на родину, но в 1904 г. он был амнистирован в честь дня рождения принца Умберто, а в 1905 г. пошел в армию добровольцем. Отслужив два года, он вернулся в родные места. В 1908 г. стал профессором французского колледжа в поселке Онеглия, где преподавал итальянский язык, географию и историю. Здесь же Муссолини стал редактировать местный социалистический еженедельник, причем основными его темами были критика правительства и Ватикана.

Эта критика была вполне в духе «революционного синдикализма» по Сорелю. До конца того же 1908 г. Муссолини организовал забастовку сельскохозяйственных рабочих, а также дважды побывал под арестом — за угрозы главе сельскохозяйственного синдиката и за проведение несанкционированного митинга.

В феврале 1909 г. Муссолини переехал в австрийский город Тренто в Южном Тироле, населенный в основном итальянцами. Здесь он стал секретарем местного Трудового центра, а затем — редактором газеты «Народ» (Il Popolo), созданной политиком-социалистом Чезаре Баттисти. Здесь же Муссолини в соавторстве с Санти Корвайя написал антиклерикальный роман «Клаудиа Партичелла,

который печатался в Il Popolo весь 1910 год, и который надолго рассорил его с Ватиканом.

Журналистская и писательская активность молодого и яркого социалиста обеспечивала ему быстро растущую популярность в соцпартии. В 1910 г. Муссолини вернулся в Форли редактировать еженедельник «Классовая борьба». В 1911 г. он возглавил широкий публичный протест против колониальной войны в Ливии и организовал несколько забастовок и манифестаций против отправки войск на фронт, за что получил почти полгода тюрьмы. А заодно к нему всё прочнее «прилипла» партийная кличка «Дуче» (вождь).

В апреле 1912 года Муссолини стал редактором официального органа соцпартии, газеты «Вперед!» (Avanti!). Своими острыми и яркими статьями Муссолини быстро увеличил тираж газеты вчетверо и сделал ее одной из самых популярных в стране. В конце 1912 г. он был назначен главным редактором Avanti! и переселился в Милан.

В 1913 г., когда в Италии были приняты законы о всеобщем избирательном праве для мужчин, соцпартия (во многом благодаря Муссолини) получила высокие результаты на выборах и прочные позиции в парламенте. Ее «левая» фракция во главе с Муссолини отказалась от провозглашаемой правительством политики социал-реформизма, и с 1914 г. возглавила массовые забастовки промышленных и сельскохозяйственных рабочих — вполне в духе синдикалистских рекомендаций Ж. Сореля.

В это же время не только среди националистов и католических (партия «пополари») масс, но и среди социалистов начался подъем националистических настроений.

Перед Первой мировой войной Италия формально входила в Тройственный пакт с Германией и Австро-Венгрией. Однако в массах была достаточно распространена ненависть к этим союзникам, и особенно к Австро-Венгерской империи, уже несколько веков удерживавшей за собой «исконные» итальянские земли. Социалисты и в этом отношении были оппозицией, и Муссолини в «Avanti» настойчиво писал о необходимости нейтралитета: «Мы хотим остаться верными нашим социалистическим и интернациональным идеям до самых основ».

И вот тут-то мы подходим к моменту, когда биографический метод исчерпывает свои возможности и необходимо использовать другой, политический метод.

Если бы Муссолини далее шел обычным для итальянских социалистов путем, он бы наверняка стал одним из ярких деятелей итальянской Соцпартии — и не более того. Но Муссолини, в отличие от этих достойных (и в каком-то смысле заурядных) людей, был (а) невиданным мерзавцем и (б) выдающимся политиком, удалившим историю содержания эпохи. И способным рисковать, лавировать, круто поворачивать сообразно велению времени.

Потому Муссолини после начала Первой мировой войны внезапно — вполне в духе Макиавелли — изменил свою политическую позицию, что называется, с точностью до наоборот. И опубликовал в той же «Avanti» статью с призывом к Италии вступить в войну на стороне Франции и Англии, то есть Антанты. Это был невероятно рискованный шаг, сопряженный с огромными издержками. Однако политический нюх Муссолини подсказал ему, что и риск, и издержки оправданы.

Муссолини был, разумеется, исключен и из «Avanti», и из соцпартии. Но почти сразу основал собственную газету «Народ Италии», провозгласившую курс в поддержку войны (такой курс называется «интервенционистским»). То есть всецело поддержал реваншистские амбиции элиты — от промышленников и латифундистов до Ватикана (что не осталось незамеченным этими элитными кругами) — и широких низовых масс. Примечательно, что новая газета Муссолини была

с подзаголовком «Социалистическая газета» и девизом Огюста Бланки «Революция — идея, обретающая штыки».

Одновременно Муссолини приступает к партийно-организационной работе. Он создает (его противники утверждают, что на деньги от крупнейших промышленников объединения «Конфиндустрия») политическую лигу интервенционистов под названием «Fasci di azione rivoluzionaria» — «Фаши (союз) революционного действия» — прообраз будущей фашистской партии.

Отметим, что этот свой политический проект Муссолини заявляет под лозунгом «Сегодня война — завтра революция», но его название для итальянского слуха одновременно адресует к Древнему Риму и к насилию. «Фаши» означает не только союз, но еще и «фасции» — пучок прутьев, символ карающих полномочий «магистратов» — высших должностных лиц Древнего Рима. Этот пучок прутьев (обычно — вместе с воткнутым в него топориком) носила за магистратами их свита, «ликторы». То есть, в само название создаваемой Муссолини лиги — и в части древнеримского мифа, и в части насилия — была встроена революционно-синдикалистская идея Ж. Сореля.

Муссолини непрерывно ездит по стране, организуя публичные массовые выступления, собирая сторонников и агитируя за войну. Причем делает он это в социалистической лексике и терминологии (что, разумеется, страшно раздражало руководство соцпартии): «Германский пролетариат, последовав за кайзером, уничтожил Интернационал и таким образом освободил итальянских рабочих от обязательства не вступать в войну».

И он же непрерывно пишет на эту тему статьи в своей быстро набирающей популярность газете: «Наша интервенция имеет двойной смысл: национальный и интернациональный. Она направлена к распаду австро-венгерской монархии; возможно, что за ним последует революция в Германии и, в качестве неизбежного противодействия, русская революция. Короче, это шаг вперед на пути свободы и революции... Война — тигель, выплавляющий новую революционную аристократию. Наша задача — ниспровергающая, революционная, антиконституционная интервенция, а вовсе не интервенция умеренных, националистов, империалистов».

20 мая 1915 г. Италия вступает в войну. В августе Муссолини призывают в армию, причем в полк берсальеров — своего рода «спецназ» того времени. Где он быстро приобретает авторитет у соратников и командования не только своей агитацией, но и личной храбростью: во время атак он не раз первым выскакивал из окопа с громким призывом «Да здравствует Великая Италия!». В феврале 1916 г. Муссолини «за примерную службу, высокий моральный дух и храбрость истинного берсальера» получает чин капрала, и воюет еще год — до ранения в ногу при взрыве мины в стволе миномета.

Демобилизовавшись, Муссолини быстро возобновляет свою агитационную деятельность, в том числе среди социалистов. Одна из причин его пропагандистских успехов в «правом» крыле социалистов была в том, что почти все годы войны соцпартия была в жесткой антивоенной оппозиции не только к власти, но и к охваченному националистическими настроениями народному большинству, и постоянно обвинялась в антипатриотизме.

В связи с этим дадим слово Николаю Устрялову — одному из самых глубоких исследователей итальянского и германского фашизма, кадету, затем стороннику диктатуры Колчака, эмигрировавшему в китайский Харбин, а в дальнейшем ставшему влиятельным «политическим попутиком» большевизма.

Конечно, читая Устрялова, нужно учитывать, что писал он книгу об итальянском фашизме в 1928 г., до широкого обнародования

Бенито Муссолини

фактов чудовищных фашистских преступлений, и вдобавок сам был идеологом специфического «национал-большевизма». Тем не менее, с его оценкой в целом соглашались и деятели Коминтерна. А Устрялов писал так: «Было нечто импотентное и половинчатое в нейтралитете итальянских социалистов. Ни откровенного патриотизма их европейских коллег, ни действительного революционного дерзновения русского стиля... поверхностный пацифизм, проникнутый страхом... Не фанатическая ставка на революцию и гражданскую войну, а умывание рук, апелляция к узкому расчету...».

Но народное большинство, в отличие от социалистов, искренне считало войну шансом на возвращение ранее отнятых у Италии Австро-Венгрии территорий с преимущественно итальянским населением. В первые же месяцы войны на нее ушли более 200 тыс. добровольцев.

Кроме того, военные заказы промышленности, основанные на зарубежных (в основном английских) и внутренних кредитах, в период войны существенно оживили итальянскую экономику и снизили уровень социального протеста.

Однако окончание войны очень быстро разревало массовые оптимистические ожидания. Когда Италия в апреле 1915 г. подписывала в Лондоне секретное соглашение с Англией, Россией и Францией, ей за вступление в войну против Германии, Австро-Венгрии и Турции было обещано вернуть земли «неискупленной Италии» (Italia irredenta) — Южный Тироль, часть северной Адриатики, а также отдать часть территорий Османской империи.

По Сен-Жерменскому мирному договору 1919 г. Италия получила немало из обещанного, но далеко не все. Она не добилась своих целей в Далмации и Албании, и не получила город Фиуме на Адриатике, издавна населенный преимущественно итальянцами (Рапальский договор 1920 г. объявил Фиуме самостоятельной городской республикой).

Почти вся Италия говорила об «украденной победе» и о «предательстве союзников». Причем наиболее резкие и громкие голоса звучали со стороны Муссолини и его сторонников по фашистской лиге. Так, один из первых фашистских соратников Муссолини, Дино Гранди, заявлял: «Победоносная тиранья англо-французской plutократии, которая, навязав миру чудовищный по своей исторической несправедливости и цинизму Версальский договор, приложила все усилия к тому, чтобы лишить нас элементарных и священных плодов нашей победы. И ей удалось это! Наша победа на деле оказалась лишь оборотом литературной речи, а наша страна очутилась в разряде побежденных и удушенных стран».

То есть, интервенционистская «почва» для фашизма в стране после окончания войны оказалась вполне подготовлена. Но война подготовила в Италии для фашизма и другую, еще более серьезную почву.

Об этом — в следующей статье.

Юрий Бялый

ДИФФУЗНЫЕ СЕПАРАТИСТСКИЕ ВОЙНЫ

Речь идет о неминуемом сокращении территории «Русского национального государства» и о неминуемом разогреве множества этнических конфликтов, которые быстро превратят русское «национальное строительство» в большую этническую войну

Славянские и националистические «радения» о российском государстве

Как мы уже отмечали в предыдущей статье, нагнетание межэтнической напряженности (и особенно антикавказских настроений) становится сейчас одним из основных направлений диффузной сепаратистской войны. Об этом свидетельствуют не только публичные провокационные комментарии по следам событий в Бирюлево и традиционная тематика очередного «Русского марша», но и тревожные процессы, разворачивающиеся в последние месяцы на юге России.

Летом 2013 года представители «национал-патриотических» организаций Ставропольского края начали подготовку Русского народного собрания (другое название — I Съезд славян Ставрополья). Основные вопросы, которые собирались обсудить на этом мероприятии, — «выход края из состава Северо-Кавказского федерального округа (СКФО) и провозглашение Ставропольской русской республики».

Об этом заявил (избранный председателем оргкомитета собрания) глава общественной организации «Русское единство Кавказа» (РЕКА), координатор общественных палат Ставрополья, известный местный оппозиционер Сергей Попов. В состав оргкомитета вошли и другие лидеры оппозиционного движения (руководители региональных отделений партий РПР-Парнас и «Новая сила»), а также многочисленные представители славянских и казачьих организаций. Фактически, в этой команде собрались общественные и политические деятели, имеющие прямое отношение к давней дискуссии о «дальнейшей судьбе русских на Юге России».

Напомним, что еще с 2010 года (после учреждения СКФО и включения в него Ставрополья) в националистической среде обсуждалось несколько «альтернативных» проектов: возвращение края в состав Южного Федерального округа (ЮФО), образование Северо-Кавказской казачьей республики, присоединение региона к Белоруссии или Украине, создание Ставропольской русской республики (этот проект был предложен на «Сходе представителей славянских общественных организаций» по инициативе «Оргкомитета по спасению Терского войскового казачьего круга»).

Отметим, что еще в январе 2013 года незарегистрированная «Партия национального большинства «Новая сила» (под руководством профессора МГИМО В. Соловья) развернула в Интернете и непосредственно на Ставрополье общероссийскую кампанию по выходу края из СКФО (под лозунгом «Ставрополье — не Кавказ!»). Эта кампания была спровоцирована резонансными конфликтами (в том числе со смертельным исходом) между местными и приезжими и сопровождалась целенаправленным нагнетанием межэтнической напряженности в социальных сетях.

Так что организация Русского народного собрания (запланированного на 4 ноября) с его, по сути, сепаратистской «повесткой дня» — стала логическим продолжением совместных действий либеральной внесистемной оппозиции и части «национал-патриотических» движений. Причем их единство оказалось шатким. Уже одна из первых публичных инициатив спровоцировала раскол оргкомитета собрания и несколько поменяла первоначальные планы.

27 августа в местной прессе появилось обращение к полномочному представителю Президента РФ в СКФО Александру Хлопонину от имени главы оргкомитета С. Попова. Среди основных требований были: проведение местного референдума относительно строительства новых мечетей в крае и отставка мэров Пятигорска и Кисловодска, обвиненных в коррупции. После бурного обсуждения обращения в интернете и нулевой публичной реакции власти из оргкомитета вышли: сам С. Попов, местные лидеры «Новой силы» и «Российского общенародного союза» (РОС), атаман небольшой организации «Кавказская казачья линия» Ю. Чуреков.

Затем местная власть, запретив поднимать «националистическую тематику», дала «добро» на мероприятие, которое состоялось 2 ноября под названием «I Съезд славян Ставрополья». А оргкомитет съезда возглавил глава «Союза Славянских Общественных Организаций Ставрополья» Владимир Нестеров. Эксперты выдвинули несколько версий относительно раскола: конфликт амбиций внутри оргкомитета, давление власти, активность неоязычников-родноверов (настаивавших на проведении именно «славянского» съезда), а также желание украинских националистов участвовать в «мероприятии славян».

В результате на I Съезде славян Ставрополья присутствовало более 560 делегатов из различных регионов России, а также гости из Республики Беларусь. Причем значительную часть делегатов составляли неоязычники-родноверы, стремящиеся «возродить славянские дохристианские обряды и верования». Отметим, что родноверческие общины стали широко распространяться на территории России, Украины и Белоруссии еще в конце 1980-х годов, и многие до сих пор сохраняют между собой дружеские связи. Так что проекты «вхождения Ставрополья в Белоруссию или в Украину» имеют, в том числе, и этот генезис.

Часть неоязыческих организаций выступает против «геноцида славянских народов» и тесно связана с националистическим движением. При этом многие неоязычники (ради «спасения славян») поддерживают идеи русских «националистов-уменьшителей».

Так что вряд ли случайно одну из внушительных колонн «Русского марша-2013» в московском районе Люблино составляли члены Союза славянских общин славянской родной веры (ССО СРВ) и Союза общин «Велесов круг». А перед этим ССО СРВ — одна из крупнейших российских неоязыческих организаций, существующая с 1997 года и проповедующая «возрожденные древние верования славян», — призвала к участию в «Русском марше» (с явной сепаратистской тематикой) все свои региональные общины.

По утверждениям некоторых экспертов, «ожидались, но не появились» на I Съезде славян Ставрополья делегаты Верховной Рады Украины, а также представители националистической организации «Казачья диаспора Украины» (возглавляемой Дмитрием Корчинским). При этом Корчинский, один из бывших лидеров УНА-УНСО, воевавший в середине 1990-х на стороне чеченских сепаратистов, обещал не только прислать своих представителей на «славянский съезд», но и организовать 4-го ноября в Ставрополе «Украинский марш под антифашистскими лозунгами казачьей автономии как равноправного члена Евросоюза».

В данном случае «анонсированные» Корчинским акции оказались информационной «уткой». Но не все шаги этого сторонника присоединения южных территорий России к Украине несут чисто пиаровский характер. Например, организация Корчинским летом 2013 года на украинской территории «Христианско-тренировочных лагерей Русской автономии» для подготовки «русских боевиков» — это факт.

Отсутствие на «славянском съезде» украинских националистов с их проектами по развалу России было «компensировано» участием в данном мероприятии известных русских «националистов-уменьшителей». Которые и предложили делегатам развернутую сепаратистскую тематику.

Так, одним из почетных гостей съезда стал сторонник «русского суверенитета» и «русской государственности» Александр Севастьянов. Вот основной тезис из выступления этого «патриарха русского национализма» (выступление неоднократно прерывалось аплодисментами): «В годы гражданской войны Белое движение проиграло потому, что не смогло предложить народу — перспективную программу, привлекательный проект...

Приглашение на Съезд казачьего народа

У нас такой проект есть. Имя ему — Русское национальное государство (РНГ). Этот проект разработан нами во всех деталях: написана Конституция РНГ, ... создана карта оптимальных границ РНГ, совпадающая с границами компактного расселения русского этноса. Разработана идеология русского национального государства».

Подчеркнем, что среди выступавших были (пусть и немногочисленные) докладчики, осуждавшие русский «уменьшительный национализм» как угрозу распаду многонационального российского государства. А в Резолюции съезда встречаются конструктивные предложения, адресующие к снижению «конфликтного потенциала» в регионе и «сохранению единства Российской Федерации».

Однако речи ораторов, взывающих к интернационализму, были встречены залом недоброжелательно, а ряд тезисов из выступления А. Севастьянова попал в «Обращение Оргкомитета I Съезда славян Ставрополья ко всем русским организациям». Цитата: «Собравшиеся на съезде пришли к выводу о необходимости обретения русскими своей правосубъектности, суверенитета и государственности на всей территории России путем созыва Всемирного съезда русского народа, сформировав делегации от каждого региона России и от русских организаций и диаспор стран ближнего и дальнего зарубежья... Наш Съезд славян Ставрополья видится нам как пилотный проект, вслед за которым во всех регионах России должны пройти съезды русских организаций, формирующих свои делегации на Всемирный съезд русского народа. Который, в свою очередь, избрет коллегиальный орган русского народного представительства... и его руководство».

Что стоит за этими словами — «необходимость обретения русскими своей правосубъектности, суверенитета и государственности»? Что имеется в виду? Об обретении какой государственности идет речь?

Ведь делегаты «славянского съезда» поддержали А. Севастьянова с его разрушительной позицией, требующей создания Русского национального (то есть фактически этнического) государства! Заметим, что этот «проект» вполне совместим и с другим — «созданием Ставропольской русской республики», за что ратует лидер общественной организации РЕКА С. Попов.

Если очистить все эти требования от словесной шелухи, то их суть в следующем. Русский народ, всегда бывший народом-объединителем (именно вокруг него собирались другие народы и этносы России) и «держателем империи», — должен поставить себе цель построить «чисто русское национальное государство».

Но ведь для этого нужно начать процесс территориального обособления русских и, видимо, массового «сгона» нерусского населения из многих российских регионов. То есть речь идет, во-первых, о неминуемом сокращении

территории т.н. Русского национального государства. И, во-вторых, о неминуемом разогреве множества этнических конфликтов, которые превратят такое русское «национальное строительство» в большую этническую войну. Причем очевидно, что такой кровавый процесс не так трудно начать, но потом почти невозможно остановить.

Нужно отметить, что в рассматриваемом мероприятии «славян» не участвовали многие патриотические организации. Стороне от него, например, осталось большинство реестровых казаков, к которым накануне съезда обратился их духовный наставник — митрополит Ставропольский и Невинномысский Кирилл, посоветовавший «внимательно, что стоит за таким красивым названием как «славянский съезд» или «русское собрание».

Митрополит Кирилл в своем видеообращении заявил: «На сегодняшний день Ставрополье — многонациональный край, но в то же время христианство всегда было главной религией нашего Отечества... Когда сегодня язычники и националисты, многие из которых в прошлом очень много сделали зла для самой русской идеи и культуры у себя в странах, в частности, в Украине, пытаются узурпировать такие понятия как «русский» и «славянский», а затем проведут националистические марши... и мероприятия, то, безусловно, это оскорбляет русских людей... Мы не позволим никому... разорвать наше единство...».

Несмотря на этот призыв, часть (в основном нерестровых) казаков из организации «Кавказская казачья линия», игнорировав «славянский съезд», стала участником не менее разрушительного для России проекта.

В середине ноября 2013 года в адрес президента РФ, главы правительства и руководства законодательных органов власти (Совет Федерации и Госдума) были отправлены обращения от имени «атаманов Кавказской казачьей линии, вольных казачьих войск юга России и координатора общественного движения «Народная РЕКА» С. Попова».

В этих обращениях содержались не только требования, прозвучавшие ранее в связи с подготовкой и проведением «съезда славян»: о выходе Ставрополья из состава СКФО, о необходимости защиты «русского и казачьего населения Северного Кавказа» от коррумпированных местных чиновников и «кавказских элит», о «проведении местного референдума по поводу строительства новых мечетей». Здесь же авторы обвиняли реестровых атаманов в том, что они занимаются «самоуправством на прихватизированной казачьей земле» и служат «не Отечеству, а своему карману».

А завершаются эти обращения угрозой-предупреждением в адрес власти: мол, если власть будет навязывать нерестровым казакам «свои» нормы и «своих» атаманов, то «... казаки найдут на уровне местного самоуправления свой путь организации своей казачьей жизни. И тогда — с Юга России начнется восстановление казачьего народа, который не удалось извести...».

О значении возрождения казачества, а также об опасности казачьего сепаратизма (в данном случае под флагом «Ставропольской русской республики») мы уже писали в нашей газете.

Безусловно, возрождение российского казачества (как служивого сословия, веками стоявшего на страже государства) заслуживает глубокого уважения. Но в данном случае речь идет о другом.

В данном случае речь идет об откровенной провокации русских «уменьшительных» националистов (которым всегда готовы оказать «поддержку» националисты украинские), вносящей раскол в казачье движение и нагнетающей межэтническую напряженность на (и без того нестабильном) юге России.

КУЛЬТУРНАЯ ВОЙНА

Идея Гастева — одухотворенное единство человека с машиной (машинизм), коллективизм и планетарность

Противоречия в Пролеткульте

Мы уже писали, что в Пролеткульте не сложилось единого мнения о том, что такое пролетарская культура и кто должен ее строить. Как считали теоретики Пролеткульта А. Богданов, В. Плетнев, А. Гастев, Ф. Калинин и др., создаваемые произведения искусства отражают интересы и мировоззрение только одного класса и поэтому не подходят для другого. Они утверждали, что пролетарская культура может быть создана только представителями рабочего класса, поскольку именно они знают и чувствуют, что необходимо рабочему классу. Богданов даже уточнял, что именно представителями «индустриального пролетариата».

В этой позиции Богданова не было никакой идеологической пафосности. Он исходил из своих теоретических построений, согласно которым индустриальный пролетариат в силу специфики своего труда глубоко усвоил организационное начало, коллективизм и многое другое. И потому подготовлен к переходу на новый этап — этап освоения и построения пролетарской культуры. Кухарка, скажем, к этому не способна. Она тоже трудящийся, но с другим, индивидуалистическим, опытом. Решимся ли мы сейчас, в 2013 году, утверждать, что Богданов был на сто процентов неправ? Наверное, в этом были и перекося, и наивность, и избыточное подчинение практики теоретическому принципу. Но с другой стороны, менталитет кухарки и менталитет рабочего Путиловского завода очень существенно отличаются, а в каком-то смысле и диаметрально противоположны. То же самое, например, с менталитетом крестьянина и менталитетом всё того же путиловского рабочего. Но как тогда быть с ленинским утверждением о том, что каждая кухарка должна, конечно же, не управлять (это либеральное искажение мысли Ленина), а научиться управлять государством. Но ведь научиться она должна? А в Пролеткульте ее принимать нельзя. И крестьянина нельзя, даже беднейшего. Между тем, Россия — это страна с большинством крестьянского населения.

Теоретический посыл Богданова, будучи реализованным на практике, входил в глубокое противоречие со многими большевистскими построениями. И право, нужны глубокие исследования для того, чтобы высказать окончательное суждение о том, кто именно был прав, Богданов или другой идеолог Пролеткульта и глава Наркомпроса А. Луначарский, рекомендовавший придерживаться формулы: «Кто против буржуазии, тот с нами».

Был и другой животрепещущий вопрос, по которому в Пролеткульте не было единого мнения. Я имею в виду вопрос об отношении к культурному наследию. В Пролеткульте входили и решительные противники заимствования культуры прошлого для развития и строительства пролетарской культуры, и лидеры, настроенные более умеренно. Считавшие, например, что можно использовать прогрессивную классику, подтвердившую свою правоту и подлинность.

В Резолюции, предложенной А. Богдановым на Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта, было сказано: «Сокровища старого искусства пролетариат должен брать в своем критическом освещении, в своем новом истолковании, раскрывающем их скрытые коллективные основы и их организационный смысл» («Пролетарская культура», 1918)

Нарком просвещения Луначарский в своих обращениях призывал беречь и охранять «культурные сокровища», которые получил народ: «... всё это поможет бедняку и его детям быстро перебраться образованностью прежние господствующие классы, поможет ему сделаться новым человеком,

обладателем старой культуры и творцом еще невиданной».

Член ЦК Пролеткульта В. Полянский также советовал присматриваться к старой культуре: «Необходимо овладеть богатствами буржуазной культуры, чтобы потом переработать их в горниле классового сознания. Самое же главное, пролетариат должен проявить самостоятельное творчество в области искусства, морали, науки, — словом, в области всего, что так или иначе способствует организации новой жизни».

Полянский — это псевдоним П. Лебедева, старого большевика, марксистского критика и историка литературы. С 1918 по 1920 год Лебедев был председателем Всероссийского совета Пролеткульта и даже секретарем Международного бюро Пролеткульта. В журнале «Пролетарская культура» он отстаивал пролетарскую классовую точку зрения в оценке искусства и литературы, требовал от критики политической зоркости и активности, резко выступал против футуристов, ярким представителем которых был Маяковский.

Такими кадрами партия не разбрасывалась, и после ухода из Пролеткульта Полянский был «поставлен» на Главлит (орган, заведующий цензурой) в 1922 году, где и проработал до 1930 года.

Но среди теоретиков Пролеткульта были и люди с более жесткой позицией, например, пролетарский поэт А. Гастев. Над такими, как Гастев, принято издеваться. Но кто издевается? Либералы, стремящиеся демонизировать всё советское... Мещане, отрицающие все, что отличается от общепринятого. А вот многие выдающиеся художники к Гастеву относились иначе. Да и вообще стоит ли в 2013 году обсуждать то, что является историей культуры, так, как будто бы мы являемся педагогами, принимающими в литературный институт тех или иных абитуриентов? Гастев уже вошел в историю советской культуры. И именно в этом качестве должен быть нами исследован. Причем, прежде всего, на фактологическом материале.

Алексей Гастев — революционер, поэт и писатель, теоретик и практик научной организации труда в 1907 г. вступил в профессиональный союз рабочих-металлистов, в 1917–18 годах секретарь ЦК Всероссийского союза рабочих-металлистов. С 1913 по 1919 годы писал своеобразные «стихи в прозе». Его книга «Поэзия рабочего удара», в которой он начал излагать свои идеи, выдержала шесть переизданий. В 1918 году участвовал в работе Пролеткульта.

В начале XX века «стихо-проза» Гастева пришла как нельзя кстати настроениям читателей, к этому времени уже уставших от избыток и виньеток символизма.

Вот пример его стихов: «Слово под прессом», более известное под названием «Пачка ордеров» 1921 г. (то есть буквально «пресс» — устройство для холодной обработки металлов, «ордер» — технологическая записка):

*Призмы домов. Пачка в двадцать кварталов
В пресс ее. Сплющить в параллелограмм
Зажать до 30 градусов. На червяки и колеса
Квартало-танк. Движение диагональю
Резать улицы не содрогаясь.
Лишние тысячи калорий работникам.*

Вот что Гастев писал в своей работе «Контур пролетарской культуры» (1919): «Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденно-бытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализует психологию пролетариата... Здесь мы вплотную подходим к какому-то действительно новому комбинированному

искусству, где отступают на задний план чисто человеческие демонстрации, жалкие современные лицедейства и камерная музыка. Мы идем к невиданно объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грандиозности, не знающей ничего интимного и лирического».

А вот что адресовывал А. Гастев эстетам, мещанам, так сказать, креаклам своего времени:

*Инженерьте обывателей
Загнать им геометрию в шею
Логарифмы им в жесты.
Опакостить их романтику.
Тонны негодования.*

Я понимаю, что Дмитрию Быкову А. Гастев не может понравиться. Конечно же, потому что он высокий ценитель высокого искусства. Только так, а не иначе. Но были, знаете ли, ценители высокого искусства и почище Дмитрия Быкова. Например, Велимир Хлебников. Вот как он оценивал Гастева: «Это — обломок рабочего пожара, взятого в его чистой сущности, это не ты и не он, а твердое я пожара рабочей свободы, это заводской гудок, протягивающий руку из пламени, чтобы снять венок с головы усталого Пушкина — чулунные листья, расплавленные в огненной руке».

Но А. Богданов считал, что совсем не обязательно сводить искусство к «агитационному орудью». В своей статье «О тенденциях пролетарской культуры. Ответ А. Гастеву» (1919 г.) он попытался несколько скорректировать столь радикальную позицию: «Мы полагаем, что исследование нарождающейся культуры следует вести, исходя в первую очередь из условий техники, но не всецело из них, не только из них».

Литературный критик и деятель Пролеткульта Б. Арватов так характеризовал стихи Гастева: «Происходящая в настоящее время революция в искусстве характеризуется прежде всего полным разгромом самостоятельных эстетических форм, противопоставленных действительности... В поэзии этот процесс выражается в том, что формы живого практического языка вторгаются

в художественную композицию и подчиняют ее себе... Так происходит социализация поэтических форм, а вместе с ней уничтожается вековая грань между искусством и жизнью: поэт начинает говорить на социально-активном языке во имя социального дела. В этом смысле гастевская «Пачка ордеров» является симптоматичным и необычайно важным произведением наиболее передового пролетарского поэта».

Идея Гастева — одухотворенное единство человека с машиной (машинизм), коллективизм и планетарность. Читатель не находит ничего сходного в мировой культурной традиции? В том же футуризме, например? Итальянском в том числе (вряд ли наши креаклы решатся осудить творчество Габриеля д'Аннунцио. Он ведь аристократ, не чета Гастеву).

С 1920 года Гастев стал писать только статьи по организации труда. И в 1921 году он был назначен руководителем созданного Центрального Института Труда (ЦИТ). Существую свидетельства, что после личной беседы с Гастевым В. Ленин направил письмо в Наркомфин с просьбой: «Хочется мне помочь товарищу Гастеву, заведующему Институту труда. Ему надо на 0,5 миллионов золотом прикупить. Такое учреждение мы всё ж таки, и при трудном положении, поддержать должны».

В 1924 году был издан основной научный труд Гастева «Трудовые установки», где изложена методика ЦИТа по обучению граждан трудовым приемам.

Познакомим читателя с блестящей памятью, которую мог написать только одаренный человек (и очень умный, что не одно и то же). Эту памятку вполне можно рекомендовать, например, каждому сутевцу. Да и вообще, всем, кто хочет работать по-настоящему. (см. ниже)

Фигура А. Гастева как нельзя ярко является собой деятельность, расцвет и закат Пролеткульта. Но ведь в Пролеткульте входило множество таких разбухших революцией Гастевых — жаждавших знаний и одновременно настороженных донельзя по отношению к представителям прошлого.

О них — в следующей статье.

Марина Волчкова

Памятка А. К. Гастева «Как надо работать»
(была вывешена в приемной Совнаркома).

1. Сначала продумай всю работу досконально.	План
2. Приготовь весь нужный инструмент и приспособления.	Заготовка
3. Убери с рабочего места всё лишнее, удали грязь.	Чистота
4. Инструмент располагай в строгом порядке.	Порядок
5. При работе ищи удобного положения тела: наблюдай за своей установкой, по возможности садись; если стоишь, то ноги расставляй, чтобы была экономная опора.	Установка
6. Не берись за работу круто, входи в работу исподволь.	Вход в работу
7. Если надо сильно приналежь, то сначала прилядься, испробуй на полсилу, а потом уже берись вовсю.	
8. Не работай до полной усталости. Делай равномерные отдыхи.	Режим
9. Во время работы не ешь, не пей, не кури. Делай это в твои рабочие перерывы.	
10. Не надо отрываться в работе для другого дела.	
11. Работай ровно, работа приступами, сгоряча портит и работу, и твой характер.	Выдержка
12. Если работа не идет, не волнуйся: надо сделать перерыв, успокоиться и снова за работу.	
13. Полезно в случае неудачи работу прервать, навести порядок, прибрать рабочее место, полюбовать его и снова за работу.	
14. При удачном выполнении работы не старайся ее показывать, лучше потерпи.	
15. В случае полной неудачи — легче смотри на дело, попробуй сдержаться себя и снова начать работу.	
16. Кончил работу и прибири всё до последнего гвоздя, а рабочее место вычисти.	Еще раз чистота и порядок